Дневник Штукатурова

Унтер-офицер Штукатуров

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Существенный интерес дневника младшего унтер-офицера Штукатурова заключается не в запечатленных в дневнике фактах, а в том, как в дневнике обрисовывается личность и характер его автора. Штукатуров – лучший боец, которого выдвинул в великой войне русский народ: он добровольно и сознательно отдает свою жизнь за государственные идеалы – и горько усмехается, отмечая столкновения с будничной действительностью, с героями тыла и чернильными душами, которые неизбежны на его пути полного самоотвержения. Убитый 16 декабря 1915 г., Штукатуров – солдат старого порядка, безтрепетно исполняющий все получаемые приказания; но дневник его открывает нам душу этого старого, молчаливого и послушного строя русских людей. Как ошибались те начальники, которые считали его бездушным, нерассуждающим, как заблуждались наши западные союзники, рисовавшие себе русскую армию, как холодную машину, как огромный каток или паровой пресс, наваливающийся с востока на Германию. Оторванные укладом жизни от своих офицеров, головы русских солдат напряженно и самостоятельно работают. Острой и беспощадной критике подвергается каждое действие, каждое слово его вождей В холодные осенние ночи, мучаясь от полученного на войне ревматизма, просыпается Штукатуров, кипятит котелок и заносит в свой дневник наблюдения, впечатления, критические замечания – иногда несправедливые, раздраженные, но всегда свидетельствующие об очень широком его интересе к жизни и к событиям войны, об очень высоком и благородном полете его мысли.Ход русской жизни за 60 лет, истекших со времен осады Севастополя, сильно изменил тип русского солдата. Прежде всего нас поражает его необыкновенно богатое внутреннее развитие. [133] Штукатуров – родом из окрестностей Гжатска, где у него сохранилось крестьянское хозяйство, которое он содержал и развивал на заработок от «каторжного» труда на Путиловском заводе. Жизнь крестьянина-рабочего, постоянные смены городских и сельских впечатлений, частые путешествия на отхожие промыслы, – все это создает у русского человека новую психологию, дает ему богатые впечатления, будит в нем духовную жизнь и создает пропасть между ним и западно-европейским крестьянином, приросшим, как кораловый полип, к своему клочку земли. Штукатуров прежде всего – горд, горд и своим подвигом, и обширностью своего государства, и своим Путиловским заводом; весточка о том, что завод за время войны вырос и производительность его

удесятерилась, дала Штукатурову на походе несколько счастливых часов. Штукатурова, как образцового солдата, никто не обижал – но при нем били другого солдата, и Штукатуров горько обижен за другого человека, за равноправного ему товарища по строю.При отступлении от Карпат весной 1915 года, Штукатуров был ранен и подлечившись, отправился на излечение домой. В родном селе осталась, вероятно, первая половина его дневника, описывающая прибытие по мобилизации в Фридрихсгам, зачисление в 6 финлянск. стрелк. полк, бои в Августовских лесах, Восточной Пруссии и Карпатах{1}. Печатаемый дневник охватывает вторичное возвращение Штукатурова в полк, тяжелый отход от Вилькомира и Вильны к Молодечно. Передышку в Херсоне и выступление для зимней атаки австрийского фронта на Стрыпе. На убитом в первой день атаки Штукатурове был найден дневник и открытка к жене, с лаконическим текстом: «я убит сего числа». – Дневник печатается с текста, списанного с оригинала начальн. конно-развед. команды. 6 финл. Стр. полка А. И. Красовским, и снабжен примечаниями бывшего командира полка, который, несмотря на все постигшие нас незадачи, горд сознанием, что ему пришлось командовать такими солдатами, как Штукатуров.

- Унтер-офицер Штукатуров
  - Предисловие Свечина

Унтер-офицер Штукатуров

Дневник Штукатурова

Предисловие Свечина

Существенный интерес дневника младшего унтер-офицера Штукатурова заключается не в запечатленных в дневнике фактах, а в том, как в дневнике обрисовывается личность и характер его автора. Штукатуров – лучший боец, которого выдвинул в великой войне русский народ: он добровольно и сознательно отдает свою жизнь за государственные идеалы – и горько усмехается, отмечая столкновения с будничной действительностью, с героями тыла и чернильными душами, которые неизбежны на его пути полного самоотвержения. Убитый 16 декабря 1915 г., Штукатуров – солдат старого порядка, безтрепетно исполняющий все получаемые приказания; но дневник его открывает нам душу этого старого, молчаливого и послушного строя русских людей. Как ошибались те начальники, которые считали его бездушным, нерассуждающим, как заблуждались наши западные союзники, рисовавшие себе русскую армию, как холодную машину, как огромный каток или паровой пресс, наваливающийся с востока на Германию. Оторванные укладом жизни от своих офицеров, головы русских солдат напряженно и самостоятельно работают. Острой и беспощадной критике подвергается каждое действие, каждое слово его вождей В холодные осенние ночи, мучаясь от полученного на войне ревматизма, просыпается Штукатуров, кипятит котелок и заносит в свой дневник наблюдения, впечатления, критические замечания – иногда несправедливые, раздраженные, но всегда свидетельствующие об очень широком его интересе к жизни и к событиям войны, об очень высоком и благородном полете его мысли.

Ход русской жизни за 60 лет, истекших со времен осады Севастополя, сильно изменил тип русского солдата. Прежде всего нас поражает его необыкновенно богатое внутреннее развитие. [133] Штукатуров – родом из окрестностей Гжатска, где у него сохранилось крестьянское хозяйство, которое он содержал и развивал на заработок от «каторжного» труда на Путиловском заводе. Жизнь крестьянина-рабочего, постоянные смены городских и сельских впечатлений, частые путешествия на отхожие промыслы, – все это создает у русского человека новую психологию, дает ему богатые впечатления, будит в нем духовную жизнь и создает пропасть между ним и западно-европейским крестьянином, приросшим, как кораловый полип, к своему клочку земли. Штукатуров прежде всего – горд, горд и своим подвигом, и обширностью своего государства, и своим Путиловским заводом; весточка о том, что завод за время войны вырос и

производительность его удесятерилась, дала Штукатурову на походе несколько счастливых часов. Штукатурова, как образцового солдата, никто не обижал – но при нем били другого солдата, и Штукатуров горько обижен за другого человека, за равноправного ему товарища по строю.

При отступлении от Карпат весной 1915 года, Штукатуров был ранен и подлечившись, отправился на излечение домой. В родном селе осталась, вероятно, первая половина его дневника, описывающая прибытие по мобилизации в Фридрихсгам, зачисление в 6 финлянск. стрелк. полк, бои в Августовских лесах, Восточной Пруссии и Карпатах{1}. Печатаемый дневник охватывает вторичное возвращение Штукатурова в полк, тяжелый отход от Вилькомира и Вильны к Молодечно. Передышку в Херсоне и выступление для зимней атаки австрийского фронта на Стрыпе. На убитом в первой день атаки Штукатурове был найден дневник и открытка к жене, с лаконическим текстом: «я убит сего числа». – Дневник печатается с текста, списанного с оригинала начальн. конно-развед. команды. 6 финл. Стр. полка А. И. Красовским, и снабжен примечаниями бывшего командира полка, который, несмотря на все постигшие нас незадачи, горд сознанием, что ему пришлось командовать такими солдатами, как Штукатуров.

А. Свечин.

Дальше

27 июня{2}.

Утром в день моего от'езда из родного села зашла ко мне сестра Аннушка в гости. После завтрака стал прощаться с нею. Сестрица горько плакала, а я, как мог, старался успо

коить ее. Потом поехали в поле убирать сено. Весь день на душе чувствовалось какое-то волнение. Хотелось все осмотреть, может-быть, в последний раз. Я старался все запомнить, чтобы унести, в своей душе родные поля и дом туда, куда закинет меня война. Деревья в огороде, посаженные мною еще в юности, выросли и покрылись плодами, постройки, на которые потрачено столько денег, добытых тяжелым, каторжным трудом, скот, и главное дети – эти неунывающие, наивные созданья – все это хотелось смотреть и целовать без конца.

Вечером пришла своячница Матреша и стала звать к себе в гости. Время было уже позднее, а мне завтра нужно было рано вставать, и потому мне не хотелось идти, но жена стала настаивать, и я пошел. Было совсем темно. Когда немного закусили у Матреши, я простился. Начались по обыкновению слезы и сетования, но я крепился и удержался от слез. На завтра

решили ехать рано, когда погонят скотину в поле. Ночью жена плакала, но я, как мог, старался утешить ее, пускаясь в некоторого рода философию. Проснулся в два часа ночи и стал собираться. Грустно делалось на душе при мысли, чго все эти дорогие лица, быть-может, вижу в последний раз. Поставили самовар, приготовили яичницу со свининой, но есть ничего не хотелось. Разбудили дочурок. Я попросил мать благословить меня. Пошли слезы и причитания как жены, так и

матери.

Сам по себе я не стал бы плакать, но не могу смотреть на слезы других, в особенности дорогих, близких сердцу людей. Тщетно хотел я удержаться от слез, нервы не выдержии и я заплакал.. Мать, плача, благословила меня иконой св. Николая Чудотворца, с которой я не расставался на войне. Я, в свою очередь, благословил своих деток иконой Пресвятой Богородицы. Жена так расплакалась, что не знал, что делать, чтобы она успокоилась.

Дети подняли громкий плач.

Провожать меня вышли соседи и родные. Общими усилиями удалось уговорить жену и она немного успокоилась. Я поторопился уйти из избы к сараю, где ожидала нас запряженная лошадь. Здесь, еще раз простившись со своей дорогой старушкой-мамашей и милыми детками: Катей, Верой и маленьким глупым Павлушей, я сел на телегу, и мы с женой тронулись в путь. В'ехав на гору, я несколько раз оборачивался и смотрел на деревья и свой дом, и стоявших еще на месте мщых сердцу людей. [135]

Погода хмурилась и накрапывал дождь. Я накрылся взятой на всякий случай своей никуда негодной шинелью.

Когда строения деревни стали исчезать за горой и мы миновали свое поле, то я еще раз посмотрел на все это. Ехать было хорошо: не было пыли и грязи, дождь перестал накрапывать. В Самуйлове я решил сходить на могилку отца и с прахом его проститься. Жена тихо поехала по дороге, я пошел на кладбище, где, преклонив колена, помолился за упокой его души, а также попросил его благословения на мой дальнейший опасный путь.

Выехав за деревню Бурино, я хотел накрыться шинелью, но оказалось, что шинель мы утеряли. Приехали в город к 10 час. утра. Одна соседка поручила мне отправить посылку ее мужу в Германию, где он был в плену. Я остановил лошадь у здания почты и пошел туда, думая что, народу там немного, то там оказалось очень много публики. Соседка уверяла, что в почте адрес напишут без затруднений и просьб, но оказалось, что никто даже за деньги не написал адреса. Что тут делать. Одна женщина сказала, что против собора в белом доме живет некая госпожа,

которая пишет адреса. Действительно, там меня встретила пожилая дама, которая очень предупредительно написала мне бланк и на посылке. Я видел, что за труды ей посетители платили и потому хотел дать и сам 20 коп., но она категорически отмазалась, заявив, что с военных она денег не берет. Мне оставалось только поблагодарить ее, что я и сделал.

Пришел на почту, где ждал очереди часа два, потом мы поехали к вокзалу, где я спросил, во сколько часов идет поезд в Москву. Попили в буфете чай. Поезд сильно опоздал и когда подошел, оказалось, что на него не выдают билетов. Коменданта в Гжатске не оказалось и мне приходилось опять ехать на заячьих правах. Раздумывать было некогда, и я без билета сел в вагон, простившись с женой. Я думал, что на ближайшей станции меня потянут к жандарму, но оказалось, что добрая кондукторская бригада не сказала ни единого укоризненного слова. И так я добрался до Москвы. Трамваем доехал до Казанского вокзала, где узнал, что поезд идет часов в 12 ночи. Я стал ожидать, при чем попил чаю, который отпускался от Красного Креста бесплатно. Чтобы не покупать билет на платформу, хотел купить в кассе билет на ближайшую станцию, но оказалось, что на близкое расстояние билетов не дают. Чтобы воспользоваться своим бланком, я должен был итти к коменданту, но в комендатском управлении занятий уже не было. Контролер посоветовал пойти к писарю комендантского управления, думая, что писаря что-нибудь посоветуют. [136] Однако, когда я объяснил писарю в чем дело, то он на меня посмотрел с таким пренебрежением и величием, как будто я не смел побеспокоить такую важную особу. В душе у меня зашевелилось негодование не потому только, что сей господин не оказал мне содействия, которого может быть и не имел возможности оказать, сколько за его пренебрежительное ко мне отношение.

В самом деле, я и мне подобные прошли стодь страдальческий путь десятимесячной военной жизни, и, идущие снова на этот мученический подвиг, принуждены испытывать пренебрежительное отношение от господ, подобных сему сытому писарю, который ничем более не рискует, кроме чернильного пятна на выхоленном пальце, между тем как многие из нас уже по 2-3 раза были ранены.

Озлобленный, я пошел на вокзал и решил ночевать здесь, а завтра пойти к коменданту или же взять билет до Рязани. Долго я не мог уснуть, мысли более печальные, чем радостные, теснились в голове. Жесткое ложе мое – скамейка, однако, не могло служить главной причиной бессонницы, болела голова, но к двум часам ночи я уснул.

30 июня.

Проснулся часов около шести. Немного поел. Купил газету «Русское Слово», в которой прочитал негодующую статью Немировича-Данченко под заглавием «Дыхание Анти-христа» по поводу применения удушливых газов нашим противником-немцем. В девять часов, пошел к коменданту, чтобы добиться своей отправки.. Там ничего не добился и решил взять билет на ближайшую станцию, чтобы сесть в поезд, а потом со мной пусть делают, что хотят. Мне уже теперь никакие скорпионы не страшны. И на самом деле, что меня могло страшить: карцер, голые нары, но я спал на камнях даже зимой, я по два три дня не ел во время моего пребывания на позициях до ранения и эвакуации, даже смерть не казалась такой страшной, так как в течение 10 месяцев она ежеминутно смотрела мне в глаза, да и опять скоро придется видеться с нею. Не найдя нигде на вокзале расписания станций, я почему то решил, что ближайшей станцией будет Коломна, которая, по моему мнению, отстояла от Москвы верст на шестьдесят с небольшими, а потому я думал, что билет до нее стоит не больше рубля. Однако, на мой вопрос кассир сказал, что он стоит 2 руб. 3 к. Я удивился и опечалился, что так дорого, но билет все-таки взял. [137] Потом мое удивление разъяснилось; Коломна от Москвы отстоит не 60 верст, а более ста. Следовательно здесь как и всегда, меня подвела моя коммерческая неспособность и нежелание надоедать людям распросами.

Далее во всю дорогу со мной не случилось никаких трений. Даже все сложилось так хорошо, как не мог ожидать. Я сел в вагон, который без пересадки довез меня до Грязей. На этом перегоне ко мне придрался кондуктор, но мне до Грязи оставалось немного, и я сказал, что обменю билет. В Грязях обменил билет и продолжал путь уже полноправным пассажиром. Всю ночь спокойно спал на второй лавочке.

1 июля.

Весь день прошел в дороге. Пришлось немного поспорить с ехавшим в одном со мной вагоне свехсрочным флотским кондуктором, который начал напевать: «за что мы воюем, что защищаем: другие блаженствуют, а нас калечат». Я не смог стерпеть подобных разглагольствований и вступил с ним в спор. Он спросил: «что ты защищаешь?» Я ответил, что защищаю своих ближних, дома, поля и спокойствие жены и детей. Он ответил вопросом: «велико ли твое поле, хорош ли твой дом.» Я сказал, что хотя и мало мое поле, и не важен дом, но оно мое, что та же участь и наших врагов, однако, они же сражаются, и что это является всеобщим мировым недостатком человечества, который

может быть устранен проведением христианских идеалов в жизнь каждого из нас.

Наконец, это дело внутреннее наше, и мы можем спорить между собой только при условии мира извне, но не тогда, когда внешний враг хочет нам продиктовать свою волю. Мой собеседник стушевался тем более, что мою сторону принял сидевший тут же крестьянин, да.и, как мне показалось, мой оппонент не очень был начитан.

2 июля.

В 4 часа утра прибыл в Новочеркаск и пошел в команду. Там мне сказали, что с вчерашнего дня прекращен отпуск нижних чинов. В 9 часов пошел в канцелярию воинского начальника, где сдал билет писарю. Я думал, что придется являться воинскому начальнику, но дело кончилось писарем. Написал письмо жене. Купил фунт вишень за 3 коп. На дворе нас заперли и не выпускали, потому что комиссия осматривала больных. Я признаюсь, раскаивался, что рано пришел в команду. Сегодня меня не осматривали.

Вечером пошел в кафедральный собор, посмотрел памятник Ермаку Тимофеевичу и Бакланову. [138]

Хотел осмотреть собор внутри, но мне сказали, что он закрыт. На другой день была снова медицинская комиссия и потому ворота были заперты. На комиссии присутствовал воинский начальник, который об'яснил, что с 1 июля отпуски нижних чинов прекратились по приказанию верховного главнокомандующего, и что причиной тому послужило то обстоятельство, что нижние чины отпускаемые в 10-дневный отпуск в срок не являются, и таких очень много. Кроме того, он посоветовал самовольно не отлучаться, так как теперь судят за самовольную отлучку очень строго.

Комиссия осматривала спешно, и когда я заявил, что здоров, меня оставили в покое. После осмотра пошли получать одежду: шинель, сапоги, пару белья, полотенце и насовой платок, который я, к сожалению, тут же потерял. Нужно было итти на обед, но я не захотел: взял только порцию мяса и с'ел 3 яйца. Затем попросил человека, греющего кипяток для команды сварить яйца, что он без возражения сделал. Я ему дал два яйца. После этого сходил на речку Оксай покупаться. Здесь я испытал себя, насколько могу плавать и что было причиной того, что я едва не утонул 17. Мая{3}.

Оказалось, что я переплыл речку три раза. Значит причиной тогда была амуниция и одежда, а в особенности сапоги.

Хотелось все-таки побывать внутри кафедрального собора, но опять неудача: собор заперт. Часов в 9 вечера нам приказали

забирать вещи и выходить. На дворе долго пришлось стоять, пока происходила разная проверка и построения. Ну, подумал я, началась тяжелая жизнь.

Нас повели во двор управления воинского начальника, где пришлось ожидать часа два. Казаки стояли на проверке, потом пропели молитву. Нам дали по пачке папирос. Некоторые откуда-то достали «зеленого змия» и изрядно хватили его. На вокзале нам ожидать пришлось не долго: вскоре подошел поезд и нас усадили по 25 человек в товарный вагон. Здесь многие начали продавать белье, хотел продать и я, потому что белье мне было лишним, но давали за пару белья и полотенце только 70 коп., и я не отдал. Вскоре поезд тронулся, я улегся спать и уснул сном праведника.

4 июля.

Проснулся на станции Зверево, Екатерин. жел. д., где нам была пересадка, и потому меня разбудили. Здесь нам об'явили, что придется ожидать до 3 часов дня. [139] Мы расположились около вокзала и от нечего делать бродили по платформе. Я выпил стакан молока за 2 коп., а затем улегся в садике на травке и уснул. Когда проснулся и пошел на платформу, увидел, что есть покупатели белья; продал и я свое за 1 рубль, хотя мог бы взять дороже. Подошел гармонист-слепец и, подпевая, сыграл несколько песен; я ему дал 2 коп., потом пошел в чайную. В 4 часа был подан поезд и нас рассадили по вагонам. Среди нас оказался один больной грузин, который еще у воинского начальника заявил, что у него болит желудок, но там его не осмотрели, а сказали только, что желудок болит потому, что он наелся вишень с косточками. Теперь этот бедный грузин страшно стонал, но в Звереве не было больницы и его уже дальше на станции высадили.

5 июля.

Проснулся на станции Дебальцево, где нам сделали пересадку; в вагонах было тесно и душно, пришлось лечь на полу. На одной из следующих станций, где поезд должен был стоять до 12 часов дня, я пошел на – рынок купить булку и три свежих огурца. Там было все очень дорого. Я поел, а затем пошел в церковь. Она была домовая при станции и, по-видимому, бедная. Священник служил один без дьякона. Он заикался, но хор пел хорошо, хотя по числу певших было немного. Я с благоговением отстоял всю литургию и молебен.

В час дня мы тронулись со ст. Никитинка. День был очень жаркий, а потому я снял сапоги и гимнастерку. На ближайшей станции купил газету: «Южный Край», из которой узнал, что немцы на Варшавском фронте перешли в наступление и

продвинулись в районе Царева. Это как-то встревожило мою душу. Ночью часто приходилось просыпаться от качки и толчков. Или вагон расшатался, или дорога неровная, но качало ужасно. Около 12 часов дня приехали на станцию Полтава. Народу было очень много, купить ничего не удалось, тесно было вокруг лавок с с'естным. Затем наши вагоны отодвинули очень далеко от станции. Я отошел и купил 1 фунт ситного хлеба и 6 огурцов. Часа в два тронулись дальше.

Город Полтаву осмотреть не удалось. По сторонам дороги расстилались необозримые поля, засеянные различными хлебами, которые повсюду убирали. Много виднелось косилок и жней. Деревни, сравнительно с внутренними губерниями, встречались значитедьно реже. Когда стало темнеть, я улегся спать. Сильно трясло, часто просыпался. Сегодня выпросил газету у одного господина. В газете ничего особенного не было.

7 июля.

Когда проснулся, солнце было уже высоко. На первой станции умылся, взял булку и поел. Часа в два дня приехали на станцию Киев. В это время разразилась сильная гроза и ливень. Со станции нас повели в штаб Киевского Военного Округа, откуда направили к этапному коменданту. Шли толпой без всякого порядка, да и трудно было бы установить порядок, так как люди были различных частей и многие не совсем вылечившиеся. Таким образом, часа три мы ходили по улицам, но пришли опять к станции, откуда вышли: там помещалось управление коменданта. Около здания коменданта на панели лежало много народу. Мы вошли во двор. Двор тоже был полон солдат, которые, несмотря на грязь, лежали или сидели. Я сел на сложенных кирпичах. Старшие команд со списками куда-то пропали и продолжали там что-то ждать. Надвигалась гроза, и многие не выдержав, начали вслух сыпать проклятия и распорядителям, и войне, и всем, и вся.

На самом деле темнело, а мы находились под открытым небом, а под ногами лужи и грязь. Со стороны начальства как-будто никакого сострадания. Люди, все так уже много страдавшие и опять же идущие на страдание, принуждены стоять на дожде и в грязи только потому, что кто-то не хочет отдать приказания. Когда уже стемнело, нас какой-то подпрапорщик местной команды выстроил по-два и стал пропускать в ворота.

Наконец-то, подумал я, мы отдохнем, но надежды оправдались только отчасти. Подпрапорщик, отсчитав известное число людей, затворил дверь, и сказав, что места больше нет, ушел. В числе непопавших был и я. Мы с одним товарищем начали обдумывать, что предпринять. На дворе ложиться было негде, потому что на мало-мальски сухом месте уже спали, а сидя

спать не хотелось.

Я предложил товарищу идти в казарму и там, в корридоре, у порога на полу, где-нибудь лечь спат. Товарищ согласился и мы пошли, но у здания казармы нам встретился солдат и сказал, что на чердаке много места: мы пошли туда. Действительно, места свободного было много, и мы улеглись.

8 июля.

Проснулся около 6 часов, умылся, а затем сходил в лавочку, купил огурцов и поел. Часов в 10 нас потребовали записывать вещи, кому что нужно.

Я записал котелок, баклагу и мешок.

Хотелось сходить в церковь к обедни, но боязнь, что могут сегодня потребовать на отправку, удержала меня. Часов в 12 разразился ливень с градом. Вечером поехал в Печерскую лавру. Около 6 часов пришел туда, в одном из храмов шла вечерня. Помолившись, зашел в другой, там служили молебен. Мне хотелось побывать в пещерах, но я пришел поздно, и еще кроме меня никого не было, а одного монах не хотел вести; я немного подождал, не подойдет ли еще кто, но к моему горю никого не было, и я с грустью должен был уйти из лавры, так как начало уже темнеть. В казарму прибыл около 9 часов вечера. Вскоре лег и уснул.

Утром разбудили часов в шесть. Умылся, сходил в лавочку, закусил и попил чайку. Взял газету, но в ней почему-то не было сообщения от Штаба Главнокомандующего. Что сие значит: большую ли неудачу наших войск или еще что-либо. Отослал письмо брату Ивану. В 11 часов нас позвали получать вещи. После обычных многократных перекличек, нас повели в цейхауз, но обмундитровали нас плохо. Рваные австрийские сумочки, в которые ничего нельзя было положить, австрийские же чашки – котелки, которые совершенно русскому солдату непригодны, потому что они нам более нужны, чтобы вскипятить чай, а не для варки обеда, стеклянные баклажки. Многие здесь же вслух заявляли, что сумки и котелки они дорогой побросают за непригодностью. Особенно было обидно, что солдаты местных тыловых команд были снабжены лучше, чем мы, идущие на позицию. Кроме того, много молодых солдат несут службу вроде сопровождения арестованных, каковую без ущерба дела могли бы нести старики и раненые, от которых на позиции будет очень мало пользы, если не вред.

Сегодня нам можно было идти на обед, но выстраивали и перестраивали так долго, что многие предпочли не ходить на обед. От коменданта новели на пересыльный двор; там четыре раза перекликали и разбили нашу команду, идущую в Тарнополь,

на 4 взвода.

Начальником команды был назначен прапорщик. Мы вышли на улицу и пошли по направлению к станции, но но дороге остановились. Пришел комендант и стал осматривать тех, которые заявили, что у них недостает некоторых вещей. Комендант в чине штабс-капитана; рассердившись, стал ругать всех нас, ни к кому в частности не обращаясь. Зачем он на прощанье поселял злобу в сердцах солдат. Если бы видел это немецкий кайзер, он, вероятно, был бы ему премного благодарен… Все были обижены, слышались негодующие возгласы: «Вот как нас понимают, хуже собак нас считают, зачем нас калечат, и т. п.» Я попытался было ослабить впечатление, произведенное комендантом, но ничего не вышло. [142] Меня забросали доводами, что вся цель войны – истребление нас и т. п. Конечно, большим помощником такого глупого понимания в цели нашей великой отечественной войны является наше невежество.

Правда, много есть и между нами негодяев, которые, получив в одном месте сапоги и прочее, на дороге продают, а у попутного коменданта или воинского начальника получают вновь и так несколько раз, оправдываясь тем, что-мол сотни тысячь рублей воруют, а мы какие-нибудь рубли. Этому способствуют наша российская халатность и неразбириха: в одном месте дают одно, в другом другое, а в третьем опять то же. Ну разумеется, господа с нечистой совестью и пользуются этим, нанося огромный вред казне и мало пользы себе, а ведь каждая выдача записывается в ста местах, только, очевидно, никто эти записи не читает.

Вечером нас отвели на вокзал и посадили по-взводно в вагоны. Здесь нам подпрапорщик выдал порционные деньги за два дня. Начинало темнеть, я лег и уснул. Около полуночи поезд тронулся в путь.

10 июля.

Проснулся на станции Фастов. Умылся, поел. Починил гимнастерку. На станции Казатин выпросил у одной дамы газету, «Киевская Мысль». Из газеты понял, что немцы напирают. Часов около шести прибыл на ст. Жмеринка. Вечером заснул. Проснулся на станции Проскуров, затем приехали в Волочиск, где нас высадили и завели в сад. Здесь нам от Красного Креста принесли обед и по три куска сахару, а потом дали белых сухарей. На обед было что-то среднее между кашей и борщом, много крупы, немного недоваренной. Часа в три мы пошли пешком на станцию Подволочиск.

Как раз в это время на границе мы увидели, как гнали толпу пленных австрийцев. В управлении этапного коменданта выдали платный обед. Он стоил 41 коп., солдаты были недовольны, что

так дорого, и хотели лучше получить деньги, так как были сыты, но прапорщик заявил, что он все равно деньги за обед заплатит, будем ли мы ест или нет. Пришлось примириться и есть обед. Выдали по 7 кусков сахара. Затем нас отвели на площадку в лесок, где мы и расположились. Здесь было много пленных австрийцев, которые исполняли различные работы.

Попили чаю, темнело, я раскатал шинель, снял сапоги и положил их под голову; ноги завернул в шинель и уснул.

Ложась спать, мы не были уверены, что проспим всю ночь, так как думали, что до Тарнополя пойдём пешком ночью.

12 июля.

Проснулся как раз в ту минуту, когда солнце выходило из горизонта и первые лучи упали на землю. Умылся, помолился Богу и поел. Вскоре подошли торговки с булками и молоком; я купил бутылку молока и 4 яйца. В 12 часов дня нам сказали, что в 2 часа поедем в Тарнополь, выдали порционные в размере 39 коп. В вагонах было страшно тесно и жарко, потому что в два вагона нас посадили 127 человек. Часов около 5 приехали в Тарноноль. Пришли к этапному коменданту и расположились в саду. С запада надвигалась туча и накрапывал дождь. Мы раскатали шинели.

Нас скоро двинули в город и как раз в это время разразился ливень. Вода бешенно помчалась до улицам, сапоги раскисли и сами мы превратились в мокрых куриц. Нас вывели за город и повели на гору влево. Итти было страшо неудобно: скользко и грязно. Наконец, пришли в лагерь.

Здесь нас выстроили и вскоре к нам вышел прапорщик и распорядился, куда нас отвести и где нам приказано было раскинуть палатки. Так как палаток у нас почти совсем не было, то стали ожидать, когда их принесут. А мелкий дождик между тем шел и шел. Так мы простояли до проверки. На проверке, которая была с музыкой, приказали скатать шинели.

С тех пор, как выступили из Фридрихсгама{4}, я не слышал проверки с музыкой. Многие солдаты говорили: «Вот бы в атаку с музыкой». «Нет, подумал я, отошли те времена, когда в атаку ходили, как на парад».

Тепер не только музыка, но даже звонкий стук котелков иногда вредит

Возвратись с проверки, мы еще несколько времени подождали палаток, потом разослали солому и улеглись в рядок. Я накрылся мокрой шинелью и ею же прикрыл свои вещи. Дул сильный ветер и шел дождь. Я начал было уже засыпать, когда принесли палатки и начали раздавать. Палаток оказалось мало и мы кое-как поставили 4 полотнища и забрались под них.

Концы были открыты и ветер свистел точно в трубе. Я уснул.

13 июля.

Ночью несколько раз просыпался от холода, да кроме того сильно ломило ноги от ревматизма, заработанного прошлой зимой. Утром разбудили. Я умылся, потом закусил и попил чаю. Вскоре начали кричать, чтобы шли записывать кому какие нужны вещи. Опять, значит, дли любителей понажиться на казенный счет предоставляется удобный случай продать казенные вещи. Отсутствие определенного порядка обмундирования действовало развращающе на солдат. [144] После обеда приказали скатать шинели и выходит на ученье под командой прапорщика. Занимались походным движением и мерами охранения его. По возвращении с ученья попили чаю, затем нам приказано было забрать свои вещи и идти в ротную канцелярию. Там нас проверили и опросили, а затем повели на вокзал, где нашим полкам была посадка в вагоны{5}.

Когда пришли на вокзал, оказалось, что наш полк уже ушел, а другой полк нашей дивизии погрузился. Нас должны были сдать в штаб дивизии, но его не скоро удалось отыскать. Нам приказали садиться с тем полком, который грузился, но места не было, и нас не пускали. Так мы обошли весь эшелон, но места не нашли, поезд начал трогаться, и мы, чтобы не остаться, вскочили на тормоз, оттуда перелезли на вышку и там кое-как примостились, рискуя ежеминутно слететь. Дул резкий ветер и накрапывал дождь.

14 июля.

Утром приехали в Волочиск, где рассадили но вагонам. Вагоны были битком набиты, потому нас недружелюбно приняли и, когда я захотел уснуть, места на нарах не оказалось. Кое-как сидя уснул. Выл спертый воздух и пахло сыростью. В обед принесли котелок супу на двоих и поели. На ночь забрался под нары и уснул. Проснулся около станции Сарны, где купил булку за 10 коп. и закусил. Удалось купить «Новое Время», из каковой газеты видно, что немцы напирают в особенности на Наревском фронте. На ночь опять забрался под нары, но что-то долго не спалось.

16 июля.

Проснулся, когда эшелон остановился на станции Лида. После 12 часов прибыли на станцию Вильно, где нам было приказано выгрузится, потом вывели и построили. Пошел дождь, мы тихо двинулись через город Вильно. Этот город произвел на меня хорошее впечатление, только немного грязноват…

После недолгих поисков мы, наконец, прибыли в свой полк. Встретил здесь нашего ротного писаря и каптенармуса.

Как я узнал, большая часть нашего батальона была разбита и взята в плен австрийцами{6}, и я был очень обрадован, что все же остался наш подпрапорщик и человека четыре унтер-офицеров, моих сослуживцев. Мы явились подпрапорщику, а затем ротному командиру. Ротный – очень молодой офицер в чине прапорщика. Мне сказали, чтобы я шел в 4. взвод, куда я и направился. Мне было грустно, что такое несчастье случилось с нашим полком. До сих пор в полку не было случая, чтобы сдавалась даже рота, а здесь взяли в плен несколько рот. Но что же делать – война, все может случиться. Вечером пили чай со взводным командиром, потом написал жене письмо.

17 июля.

Ночь провел в палатке. Встав утром, попили чаю и приготовились итти на занятия. Там меня взводный назначил за отделенного, так что пришлось командовать, к чему я признаться не подготовлен, да и не чувствую призвания, но делать нечего, пришлось заниматься. После обеда нас повели в Вильно в баню. Баня оказалась очень хорошая. Хорошо помылся и выстирал белье.

Купил газету «Речь», в которой высказывается мысль, что нашим войскам придется оставить Привислянские позиции и отойти на линию Брест-Литовска и Гродно.

Вечером был свидетелем возмутительной сцены. Когда встали после проверки на песни, подпрапорщик Н. позвал стрелка и начал жестоко бить. Бил так сильно, что слышно было на некоторое расстояние; сбивал с ног и добавлял ногами. Принимался бить несколько раз. По словам солдат, этот стрелок – человек очень неразвитой и непонятливый, так что даже в запасном батальоне с ним ничего не могли поделать.

18 июля.

Ночью нам сказали, что сегодня нам будет делать смотр корпусный командир. Наше начальство занялось фуражками, блеском блях и стягиванием поясов{7}.

В 9 часов утра нас выстроили около нашего лагеря и около часа держали здесь, а затем повели через овраг, куда вскоре прибыл корпусной командир и, поздоровавшись, посмотрел винтовку у одного из унтер-офицеров, которая оказалась грязной. Затем нашей роте было приказано надеть полную боевую аммуницию.

Смотр прошел неудачно. Отчасти вышло замешательство в команде, а отчасти оттого, что солдаты очень неразвиты и слишком бояться отвечать на вопросы. Вечером сказали, что завтра выступаем. Сегодня была всенощная.

19 июля.

Встали в 5 часов утра и начали подготовляться к выступлению. В 7 часов двинулись в путь. Дорога была песчаная, тяжелая; у меня не было винтовки{8} и бинтов (индивидуальный пакет). Останавливались только на обед в 12 час, вечером пришли в деревушку, где и разместились на дворе. Я улегся на сено и уснул очень хорошо.

Встали в 5 часов, попили чаю, затем выстроили слабых здоровьем и отобрали у них винтовки, а также и снаряжение и передали тем, кто не имел винтовок. Дали винтовку и мне.

Наш полк шел в авангарде. Очень устал и натер ноги, устал так, что едва двигался. Вечером пришли в деревушку, где расместились биваком на лужке. Вскипятили чай. Выставили охранение и указали, где в случае появления противника становиться на позицию. Меня назначили старшим в дозоре. Сидел, вспоминая свою деревню и дорогую семью, потому что сегодня в родном селе приходский праздник.

21 июля.

Утром после чая, пошли дальше, но прошли не долго и остановились в одной деревушке. Дорога была нелегкая, изнемогли, когда со многими остановками дошли до Вилькомира. Роты растянулись. Сзади шли хромые, отставшие, длинной вереницей{9}. Встав, растянули палатки и вскипятили чай в котелках. Потом под'ехали кухни и выдали обед. Было приказано держаться на-стороже. Потом постепенно легли и заснули. Наступила ночь.

Утром приказано было готовиться к выступлению. Сняли палатки, и часа через два тронулись, но остановились около костела, в котором была служба. Потом пошли дальше. После обеда, взводный меня назначил дневальным. Вечером отвели ночевать в деревню, мне до 12 часов пришлось стоять дневальным и не спать. Сегодня купил меду.

24 июля.

Разбудили рано по тревоге и повели расставлять караулы. Меня назначили за караульного начальника на пост № 15, но не сказали, где застава и куда идти в случае появления противника. Около 12 часов ночи сняли и повели в деревню, где выдали обед, а затем немного отдохнув, мы пошли в окопы, а нас втроем послали наблюдать за дорогой. [147]

С самого утра вправо от нас слышалась сальная артиллерийская пальба, трескотня пулеметов и ружей. Около 5 час. нас позвали обратно в роту и спешно повели снова к гор. Вилькомиру, здесь в садочке дали ужин, разрешили раскинуть палатки и раскатать шинели. Легли спать. Ноги распухли и болели.

25 июля.

Тронулись, когда взошло солнце. Успел я умыться, попить кипятку. Влево все время гремели орудия, повидимому, наши. Разгоралась там ружейная перестрелка, начинался бой. В 12 час. выдали обед. Разнесся слух, что наши хорошо обстреляли немцев и несколько человек взяли в плен{10}. Ночью пошли в окопы верст восемь от городка. Окопы были вырыты, но нужно было разравнять насыпь и замаскировать окопы.

Вею ночь проработали в окопах, и несмотря на то, что все очень устали и хотелось страшно спать, нам приказали делать козырьки для охранения от артиллерийского обстрела. Меня с несколькими стрелками послали на наблюдательный пункт. По дороге нашли сердобольную старушку, которая дала нам два котелка молока и 5 яиц, но деньги взять отказалась. Мы молоко вскипятили и пили теплое. Обед нам не принесли, потому мы послали одного в ближайшую деревню за молоком и провизией. Он принес 20 шт. яиц, котелок молока и два хлеба. Старушка принесла нам вишень. Мы все это сварили и очень хорошо покушали. Поэтому сегодняшний день едва ли не самый лучший для меня за всю войну в смысле питания. Вечером меня поставили наблюдателем на ночь в окопы.

27 июля.

Днем тоже был наблюдателем. Ротный командир сделал замечание, что нужно стоять не в окопе, а на бруствере{11}. Сегодня разразилась гроза и страшный ливень; окопы наполнились водой, все стояли в воде. Ночью наше отделение было назначено дежурным.

На рассвете сдал дежурство. Утром отправили на правый фланг копать окопы. После обеда нашему взводу был дан отдых. Меня послали нести обед для караула; пришлось много походить, пока нашел это место. Придя оттуда, немного уснул. Около 10 часов вечера подпрапорщик послал меня осмотреть близь лежащие домики и всех мужчин привести к ротному. [148] На дороге встретил ротного командира, который не велел водить к нему мужчин, а, только приказать им всем завтра же убраться оттуда{12}. Была страшная темень и мы едва отыскали домики. В одном домике горел огонь и слышался около разговор на литовском языке. Мы тихонько подошли и увидали повозку и лошадь, только что выпряженную из нее, 2-х мужчин и одну женщину. Мы спросили, почему у них в хате огонь то появляется, то исчезает. Они ответили, что возили за реку рожь, и только что вернулись, а потому и зажгли огонь Я передал им приказание ротного командира. Они сказали, что завтра все пойдут просить ротного командира оставить их здесь до окончания уборки хлеба.

Я одобрил их намерение, а затем мы отправились обратно. Накрапывал дождь, когда я возвратится и доложил обо всем ротному командиру. Потом лег на ступеньку окопа и заснул. Дождь лил, как из ведра.

Проснулся от холода и сырости. Не было на мне ни одной сухой нитки. Попили чаю. Взводный назначил меня наблюдателем на весь день. Перед вечером приказали скатать шинели. Вскоре вдоль окопов проехал командующий полком. С вечера наше отделение дежурило.

30 июля.

Разбудили в три часа ночи и приказали кипятить чай, затем мы выступили в поход. Прошли верст двенадцать и остановились на берегу озерца, где наше отделение встало около пулеметов. Нам дали пообедать, после обеда хорошо уснули. Потом согрели кипяток и пили чай. На ночь нам пришлось постоят по очереди часовыми.

Проснулся около 6 часов утра, сходил за водой и вскипятил ее. Написал письмо брату. Помыл платочки и написан письмо товарищу. Пролетел аэроплан, а потому батальонный командир приказал отойти под гору. Около 5 часов наша рота пришла в резерв. Раскинули палатку. Около 9 часов вечера я стоял часовым.

1 августа.

В 1 час ночи нас разбудили и приказали строиться, затем мы вышли из деревни и пришли в лес, где нас положили. Лежать было холодно, я раскатал палатку, завернулся в нее и уснул. [149]

Батальонный разрешил развести огоньки, нанесли соломы; стали греть воду, потом легли спать. Подъехала кухня, нас разбудили. Перед обедом мне приснился страшный сон, я видел себя стариком и стегал ремнем дочурку, Верочку. До самого вечера нас переводили с места на место. Вечером завели в густой кустарник{13}. Наступила холодная ночь. Нам приказали надеть шинели в рукава и разрешили спать.

2 августа.

Проснулись с восходом солнца и стали разводить огонь и кипятить чай. Говорили, что нашей роте дана важная задача, но до обеда просидели на месте и очень хорошо выспались. После обеда тоже никого не тревожили. Вечером начал накрапывать дождь, а потому мы с товарищем повесили на дерево палатку, а внизу постелили соломы и вместе уснули.

Ночью разбудили часа в три, чтобы получали обед. Так как мой товарищ все время ходил за обедом и по воду, то я пошел сам; в лесу была страшная тьма, так что приходилось ежеминутно

натыкаться то на винтовки, то на деревья, то на кочки. Набрав ужин, который оказался обыкновенной кашицей, я пошел назад, но дорогу не нашел и совершенно заблудился, и хотел уже вылить пищу и ощупью пробираться, как вдруг совсем близко услышал голос товарища. Я подошел к нему, раздвинув сучья и с ним дошел до места.

Утром я снова ходил за водой. Видел на дороге вереницу повозок мирных жителей, которые спасались от нашествия немцев.

Около обеда нас подняли и вывели на дорогу, около которой полежали, а затем воротились обратно. Через полчаса наш взвод был назначен, как прикрытие артиллерии, и мы, осторожно пробираясь между кустами и оврагами, прибыли к месту расположения артиллерии. Сменив стоящий здесь взвод, мы начали греть чай. Потом углубили окопы и замаскировали их. Меня назначили с 8 до 11 вечера дневальным. Я взял у товарища часы, чтобы не простоять дольше. Начало дождить и меня порядком помочило. Желая во время разбудить смену, я всматривался в часы, но ничего не мог увидеть по причине темноты. Пришлось будить наугад. Потом я влез в окопчик, завернулся в палатку и лег спать, но вода проникла через палатку и залила шею, грудь и ноги. Перед вечером наша батарея немного постреляла, а затем стала стрелять и немецкая, сначала по окопам, потом по батарее, но вреда, повидимому, никому не причинила. [150]

4 августа.

Проснулся, когда солнышко было уже высоко. Погода стала разгуливаться. Взводный приказал рыть землянку, а меня послал в фольварк посмотреть, нет ли леса для настила. Лес я нашел, взяли пилу и наготовили настил, но артиллерийскйй офицер не позволил носить днем, чтобы не обнаруживаться. Начали таскать бревна с наступлением темноты. Наслали, накидали земли, подкинули соломы и землянка готова.

Землянка вышла очень хорошо.

Взводный назначил, кому из нас жить в землянке. Попал в это число и я, хотя, признаться сказать, менее других потрудился над ее устройством и потому не был в претензии, если бы вместо меня поместили кого-либо другого. С вечера был дневальным по окопу, потом уснул.

5 августа.

Проснулся поздно. Ночью видел во сне императора Вильгельма. Мне показалось, будто он пришел в нашу деревню и показывал нашим министрам порошок, которым отравился. Но министры сказали, что это не яд, а доброкачественная карамель в

толченом виде. Затем он лег со мною рядом и очень тяжело дышал, и как мне казалось, несколько раз хотел заговорить о мире.

День был на удивление туманный. Сварили картофеля и попили кипятку. Наша и немецкая артиллерия немного постреляли.

Сегодня канун Преображения Господня и мысли у меня религиозные, хорошие. Будучи назначен дневальным, стоял на бруствере и уносился мыслью в родную семью в Петроград.

Проснулся часов в 7 утра. Поели супу, пропели но молит веннику литургию. В 12 час. сварил картофель, поел с маслом; которое выдали вчера. После обеда пели песни и в землянке, и пели недурно. Шел сильный. дождь. Вечером батарея сменилась другой. Мы остались на месте.

7 августа.

Проснулся часов около семм утра. Новый артиллерийский офицер был молодой и слишком высокого мнения о себе. Придирался к солдатам из-за каждого пустяка. Все его очень не любили. Орудия оказались японскими и притом старого образца, а потому не так удобными и скорострельными, как у предыдущей батареи. [151]

Сегодня помыл белье, хотя и в холодной воде, но ничего, хорошо. Вечером артиллерийский офицер передал нам, что ночью предполагается наступление, и потому, в 3 часа ночи орудия начнут стрелять. Нам было приказано не спать с 12 часов. Когда стемнело, мы развели в землянке уютный огонек и, сидя вокруг его, спели несколько песен и молитв.

Ночью стреляла наша артиллерия. Выстрелы следовали один за другим редко, но команду было слышно на версту. Видимо командир батареи не столько стрелял по немцам, сколько учил в первый раз стреляющую по неприятелю батарею{14}. Со стороны противника долго не было ответа, а потом начался обстрел сначало окопов, а потом батареи. Попаданий было мало. Стреляли немцы долго, но с таким же результатом.

Около обеда заходил к нам командир полка. Командир поздоровался с нами, осмотрел аммуницию и ружья, и пожелав нам всего хорошего, ушел. На вид командир полка очень симпатичный господин, полный сил и энергии, повидимому, не из трусливых. Совсем еще молодой.

Возвращаясь обратно, он подтянул артиллерийского офицера за то, что батарея не стреляла. Но стрелять они не могли – не было еще наблюдательного пункта. Скоро два орудия уехали, и выяснилось, что вечером наши войска отойдут на заранее подготовленную позицию. Мы пошли лесом вслед за орудиями.

Пришли в одну деревню, где нам выдали пищу, сахар, табак и сухарей, а затем прошли далее на другую деревню, где и расположились на ночлег. Нашего взвода два отделения пошли в заставу.

9 августа.

Разбудили в 4 часа утра, а затем повели в лес, где приказали рыть окопы. После обеда наше отделение пошло к своему взводу, в деревню. Там, попив чаю, я уснул. Проснувшись, получил свой хлеб. Ночью рыли окопы, а я стоял дневальным.

Утром сменился с дневальства и немного уснул, потом разбудили и приказали быть готовыми. Скатал шинель и опять уснул. Около обеда принесли письмо от жены. Она пишет, что мой милый сынок Павлуша начал ползать, вокруг комода ходит.

Сегодня противник по всем направлениям обстреливал нас орудийным огнем. Сегодня меня назначили дневальным, а взвод пошел делать козырки. Через час прискакал конный разведчик и приказал немедленно идти взводу к роте{15}. А мне было приказано остаться здесь, ожидая дозора, и держать связь с 8-м полком. [152]

Дозоры долго не приходили и я не знал, что делать: ожидать ли или идти. Скоро я увидел одного товарища: стали ждать вместе, но так как дозоры все еще не шли, мы решили идти вместе в роту. Но куда идти, мы не знали, так как роты уже ушли. Долго блуждали мы лесом, пока случайно не встретили конного разведчика, который сказал, что полк ушел уже далеко. Ни наших не было, ни немцев. Оглядываясь на лес, мы ожидали с минуты на минуту немецкие раз'езды, но никто не показывался. Скоро мы нагнали два отделения нашей роты, служившие прикрытием артиллерии. Тут мы узнали, что полк отступил так поспешно, что не успели снять многих постов и секретов{16}, хотя немцы не думали нас преследовать. В Вилькомире мы нагнали свою роту и пошли дальше. Шли всю ночь.

11 августа.

Шли все утро непрерывно по направлению к Вильно. Изрядно промочил дождь. По дороге обедали. Вечером пришли в деревушку, где нашу роту поместили в сараях. Вскипятили чаю и уснули очень хорошо на сене. Хотя ротный командир и сказал, что простоим здесь два дня, но утром разбудили рано и приказали тотчас же приготовиться к выступлению. Вчера получил жалование за четыре месяца 3 руб. 60 коп, за медаль 4 р. 50 коп. и за табак 89 коп.

Наскоро выпил две кружки чаю и надев аммуницию, пошли. В местечке Монтеголишках(?) остановились на обед. Около 4 часов наш полк выступил из местечка и, отойдя верст шесть,

остановился около небольшой деревушки.

Роты пошли выбирать позицию, наша была назначена в батальонный резерв и встала под горкой, причем нам было приказано вырыть одиночные окопы. Выполнив эту задачу, поужинали.

Батальонный командир, видимо, сильно трусил{17}, то и дело звонил в штаб по телефону и не был уверен, что мы здесь устоим. Действительно, вскоре пришло приказание отходить к штабу полка. Здесь стояли и очень зябли, так как шинели были скатаны; потом натаскали соломы и улеглись. [153] Скоро нас подняли и, отведя на несколько саженей, приказали рыть окопы и землянку ротному командиру.

13 августа.

На рассвете закончили землянку и вскипятили чаю. Вскоре проснулся ротный командир и приказал окапываться, но лишь только приступили к работе, как приказали собираться идти вперед. Вперед прошли немного, но, очевидно, ротным командир затруднялся выбором дороги, долго водил с места на место{18}.

Мы пришли к месту расположения сотни казаков, и, продвинувшись дальше ползком, залегли. Наше отделение выдвинулось на опушку леса.

Оттуда мы стали замечать перебежки немецких цепей и каваллерийские раз'езды. Последние мы рассматривали и не могли открыть огонь, так как не знали наши или немецкие. Подпрапорщик и взводный командир ушли на другую сторону окопов и оттуда что-то сильно кричали. Наконец они приказали, чтобы мы отходили и сами быстро побежали вперед.

Лишь только мы их догнали, с левой стороны показались на горе два всадника, по которым мы несколько раз выстрелили.Подпрапорщик нашему отделению приказал тихо отходить отстреливаясь, а сам со взводным во все лапатки побежал в тыл.

Не зная, куда нам идти, мы поспешили за подпрапорщиком и встретили по дороге казаков. Тогда пошли тихо, понимая, что в лесу нам не страшна каваллерия противника.

Один больной татарин не мог идти дальше и, конечно, попал в руки немцев. Шли мы без отдыха и страшно устали. По пути нам встретился старичок – местный житель, которому отделенный приказал идти обратно, несмотря на его уверения, что он вел нашего полкового командира{19} и тот заплатил ему 5 рубл. Старик не мог идти, один стрелок погонял его прикладом. По дороге отделенный ударил одного прикладом просто за здорово живешь. Наконец, мы вышли на поляну, откуда виднелись наши окопы. Здесь мы посидели, при чем я сильно

поспорил с отделенным из-за стрелка, которого он ударил. Когда пришли в деревню, наша рота обедала и нам мало осталось борща и немного хлеба. Едва успели поесть, как приказали собираться. Водили нас с места на место, но привели сюда же порядочно измучив. Здесь в овраге думали лечь, но нам приказали рыть одиночные окопы. [154] Недолго поработали, как разрешили спать. Но не успели уснуть, как приехала кухня, роздали обед и потом послали за лесом.

14 августа.

Утром строили убежища. Мы скоро справились с этим делом. Часов в 5 утра приказали одеваться и быть готовыми к выступлению, в это. время подыхал командир бригады и спросил, зачемъ выстроилась рота.

Вскоре выстроились и пошли по оврагу в деревню, окруженную проволочными заграждениями. Там, поблуждав немного, два отделения были отданы в распоряжение 8 роты и оказались в горохе. Прибыл пулемет, но его поставили сзади и нас отвели туда. Начали рыть новые окопы, но пришла связь и приказала отходить. При всех этих передвижениях последних дней чувствовалось отсутствие порядка, дробление рот, ним кроме того не указывали задачи{20}.

С полуночи я стоял дневальным, а другие таскали лес. Выспался хорошо и проснувшись вспомнил, что сегодня праздник Успения Пресвятой Богородицы. Вскоре приказали рыть землянки, а затем выстроили и спросили у кого плохие сапоги и одежда. Вечер прошел в устройстве козырьков для окопов и в рытье землянок.

16 августа.

На рассвете пришли в землянки и улеглись спать. Проснулись уже днем. Потом нас выстроили и вызвали четырех стрелков, уснувших ночью на работе. Их больно избил подпрапорщик, а мы были свидетелями того грустного явления, как били нашего воина-страстотерпца. Очевидно, начальство имело целью устрашить солдат страхом наказания, полагая что таким способом можно поднять боевую дееспособность русского солдата, но как я заметил из настроения и разговоров солдат, результат получается обратный, каждый солдат в битом видел самого себя и, несмотря на старанье честно выполнить свой долг, никто из нас не может сказать, что завтра он не подвергнется той же участи по какой-нибудь случайной провинности.

Вечером нас повели на помощь рядом стоящему полку{21}, но заблудились и до полуночи не могли найти его. Когда дошли до него, то многие измучились, идя по болоту. [155] Расположились в лесочке; здесь был выдан ужин, и по

обыкновению заставили рыть окопы, но потом изменили приказание и повели на позицию полка. Нашу роту повел полуротный командир.

17 августа

Когда мы шли по дороге, пули с жалобным свистом пролетали над головой. Пришлось спуститься в канаву и, пригибаясь, идти по направлению горевшего дома. Спустились к речке, перешли ее и остановились в лощине.

Батальонный командир стоящего здесь полка приказал нам вправо занять позицию и окопаться. Впереди шла частая ружейная перестрелка и шли оттуда, опираясь на винтовки, раненные. Когда мы окопались, впереди стоящая рота в беспорядке отступила назад. Мы пропустили бежавших и сами стали отходить назад.

Около речки мы хотели остановиться и встретить немцев, но, как обыкновенно в таких случаях бывает, команды никто не слушал, да и командовать было некому. Ротного командира с нами не было, полуротный куда-то исчез, только слышно было как ругался подпрапорщик, но дела мало делал.

Мы все перешли на другой берег речки и остановились на опушке леса, где стояла патронная двуколка, из которой я взял одну цинку и развинтил, думая, что мы дадим отпор врагу. Здесь же собирались беглецы из другого полка. Мы рассыпались в цепь, но пришел приказ отходить назад. Отошли немного и залегли вдоль дороги и стали окапываться. Влево я увидел наших солдат, поспешно отходивших. Опасаясь обхода и мы двинулись, не зная куда, так как общего руководители не было. Остановились… Скоро подпрапорщик нашел дорогу и привел туда, где был весь полк. Если бы впереди нас стоявшая рота продержалась бы 10-15 минут, то, я думаю, немцы были бы отбиты с большим уроном.

Затем нас развели по окрестным холмам, и мы окопались. Меня с отделенным послали охранять дорогу. Перед вечером нам приказали перейти в наступление. Мы рассыпались цепью и пошли леском. Выйдя за лесок, мы увидели немцев, который окапывались в лощинке. Мы открыли огонь по ним, на что они отвечали тем же. Вышли из лесу и заняли возвышенность. [156]

Вскоре был убит наш взводный, а затем и отделенный{22} Где мы лежали, воздух пронизывался десятками пуль.

Левее нас зашла немцам во фланг седьмая рота и немцs начали убегать. Мы с криком «ура» бросились вперед и преследовали немцев до окопов, которые мы оставили ночью, при чем было взято одно орудие, четыре зарядных ящика и несколько нижних чинов. У нас во взводе потери – два убитых и один раненый.

Только мы остановились, как пошел проливной дождь и страшно нас измочил. Я очень устал, еле передвигал ноги и страшно хотел пить. Скоро меня позвали к командующему ротой, которой под проливным дождем послал меня отыскать местонахождение рядом стоящего батальона нашего полка. Я, едва передвигая ноги{23}, пошел по окопам и прошел их до конца, но стрелков не встретил. Несколько раз пил воду из луж, хотя понимал, что этим еще более расстраиваю и без того больной желудок. Но жажда мучила ужасно.

Возвратясь обратно, я нашел свою роту на горе в землянке, но ротного командира не было и мне пришлось идти искать его. Найдя его, посидел с ними в окопах. Вскоре сказали, чтобы роты встали на свои прежние места. Когда стало вечереть, пошли к месту расположения батальона. Я чувствовал сильную головную боль и очень озяб, так что не думал на утро подняться.

Прийдя на место, мы заняли свои землянки, и я, раскатав шинель, улегся. Но противник в это время бросил несколько снарядов в место нашего расположения. Батальонный командир перепугался{24} и удрал в окопы, куда скоро перевел и всех нас. Когда обстрел прекратился, мы возвратились на прежнее место. Пошел в землянку и уснул тяжелым сном.

18 августа.

Утром меня разбудили и приказали вместе с другими, нести раненого немца. Недалеко от нашего расположения лежал молодой еще немец с простреленной ногой. Он – бедный – всю ночь пролежал под дождем и сильно прозяб. [157]

Его положили на палатку и тихо внесли в землянку. Батальонный командир приказал нагреть чаю, немец очень опасался, что лишится ноги, но один прапорщик, умеющий говорить но-немецки, уверил его, что ногу ему вылечат в России. Он – 38 полка{26}. Вскоре пришли санитары и отнесли его в околодок.

Мы пошли в роту, но но пути увидели, что стрелки пьют чай. Мы вскипятили тоже, и с великим наслаждением выпили кружки по три. Мы заняли в окопе крайний козырек. Внраво слышалась артиллерийская стрельба как с нашей стороны, так и со стороны противника.

Перед вечером наш один взвод пошел в демонстративное наступление. В окопах было чрезвычайно холодно стоять, так мак дул холодный ветер и шел дождь. Ночь не спал.

Утром много молился, так как сегодня день смерти моего папаши. Несколько раз помянул его. Сегодня меня назначили за отделенного начальника, хотя мне эта должность и не очень по-душе. Вчера и сегодня по всему фронту шла сильная

артилерийская стрельба. Ночью мы выставили сторожевые охранения. Сегодня выдали белье и ремешки.

20 августа.

Утром нас сменили и повели было в полковой резерв – идти нужно было осторожно, что бы не попасть под обстрел неприятельской артиллерии. С дороги вернули обратно и повели на помощь одного из полков нашей дивизии. Выходя из леса, мы попали под артиллерийский обстрел. Снаряды стали ложиться очень близко, и потому мы рассыпались в разные стороны и залегли за кочками и бугорками. Противник все сыпал и сыпал снаряды, но мы лежали без урона. Потом по одиночке накоплялись в вырытых раньше окопчиках, куда скоро собралась вся рота.

Но направлению к нашей роте шло много раненых того полка{27}, которые говорили, что одна рота ушла в плен. Я занял блиндажик, но, когда начался артиллерийский обстрел, ко мне набилось еще человек пять. Я хорошо уснул. Проснувшись, увидел, что стрельба утихла. Вечером подвезли ужин, но я не ел, потому что уже дней пять у меня болел живот, а в околодок с позиции попасть довольно затруднительно. [158] Вечером я назначил двух человек в дозоры, а затем уснул. Проснувшись с восходом солнца, умылся и немного позавтракал. Солнце светило ярко – занялся тщательной чисткой одежды от грязи и насекомых. Сегодня меня и некоторых других позвали к ротному комадиру, а оттуда в штаб полка, за получением георгиевских крестов 4. Степени{28}. Из роты пошло 6 человек. Мы пошли лощинами, скрываясь за гребнем бугорков, чтобы не быть видными противнику. Сделавши большой крюк, наконец, пришли в деревню, где был расположен штаб полка. Явились к батальонному командиру. Последний приказал явиться полковому ад'ютанту. Ад'ютант сказал подождать, но ждали его 6 часов. Потом явились ему снова. Тогда нам было приказано идти в ближайшую роту, где подождать утра, и тогда обещали выдать награды. Тогда мы пошли к батальонному, и тот отправил нас в свою роту. Так мы, не получивши ничего, пошли обратно. Удивительно не везет мне с этим крестом, пятый раз меня представляют и все не могу его заполучить. Сегодня распространился слух, что наш полк сменится в эту ночь, до этого не произошло.

22 августа.

К утру открылась сильная стрельба. Мы вскипятили чай и закусили. Слава Богу, болезнь моя окончательно прошла. Ночью ходил с дозором к другому полку. Всю ночь шел дождь. Утром вскипятили чай, а затем уснул. Сегодня воскресенье.

Вспоминается былая жизнь в Петрограде. Воскресенье для рабочего человека – важный день, отдых, сон и много свободного времени.

Зачем-то приходил командир полка к месту расположения нашей роты. Он шел по верху окопов. Несколько человек было поставлено под ружье за то, что не имели должного количества патронов при себе. Вечером рота пошла на работу, а я стоял дневальным. Весь день шел дождь.

24 августа.

Сегодня с утра нас потребовали в штаб полка за получением наград. Окружным путем, расспрашивая встречных, мы дошли до имения Бобриковщизна, где стоял штаб полка. Там мы встали недалеко от офицерского собрания, расположенного в доме помещика, и укрылись от дождя под группу развесистых лип. Нам пришлось ожидать долго, так как приехал командир бригады и сидел в офицерском собрании. Музыка играла там, а мы все мокли и зябли. [159] Часа в четыре командир бригады уехал, а нам было приказано выстроиться. Вышел командир полка с ад'ютантом и началась раздача крестов. Командир полка каждого спрашивал, кто он и за что награждается, и как действовал в бою. Конечно, каждому пришлось заранее придумать причину, так как не все знали точно, за что их представили. Потом мы пошли к писарю, но дома его не застали. Отправились в кухню, думая пообедать, но пища не была еще готова, тогда пошли в одну деревушку и там согрели кипяток. В это время противник сильно обстреливал тяжелыми снарядами соседнюю горку. После каждого разрыва вздымался вверх столб земли и осколков. Мы к вечеру вернулись в роту. Сильно утомился я за этот день и скоро крепко уснул. Вечером разбудили, чтобы идти на работу, делать козырьки. Проработали всю ночь.

25 августа.

Проснулся, когда солнце уже смотрело в окопы. Весь день шел дождь. Укрылся в землянке, где писал письма жене и брату.

Утром вскипятил чай. После обеда чистил винтовку. Прочитал газету «Киевская мысль» от 20 числа. Из газеты узнал очень печальные факты: все крепости сданы противнику, наши войска отступают и он подходит к Минской губернии. Видимо угасла наша боевая слава, или, лучше сказать, слава наших предков…

Перед вечером нам об'явили, что нас сменит один из гвардейских полков, а потому приказали собираться. К вечеру уснул.

27 августа.

Часа в два ночи пришли нас сменять. Нас повели по очень

грязной дороге, при чем если кто-нибудь спотыкался и падал, ротный командир ругал, а полуротный не позволял накидывать на плечи палатки от дождя и холода. Солдаты говорили, что наш ротный командир, когда мы отступаем, всегда впереди всех. Пройдя верст пять, мы остановились в стеклянном заводе, около одного имения. Я получил письмо от жены, которое сильно меня огорчило. Она пишет, что есть слухи, что их всех переселят в Сибирь, так как возможно, что противник придет и в нашу{29} губернию, и что тяжело раненых по выздоровлению не пускают домой, а помещают в богадельнях. Я сейчас же написал ей, чтобы она не очень верила вздорным слухам, что противник никогда не дойдет до нашего села и что наступающая зима вообще должна задержать его наступление. [160]

Нас поместили в заводе, где плавят и закаляют стекло. Батальонный командир приказал произвести уборку помещения, что мы и исполнили. Вечером была поверка. Потом пели песни, пока не легли спать.

Утром разбудили в пять часов и приказали кипятить чай, но скоро было сказано бросить кипяток и тотчас готовится в поход. Повели нас сначала по шоссе, потом по проселочным дорогам. Идти было темно и трудно. Шли медленно и с трудом. Пришли в деревушку, и наш взводъ поместился в сарае. Погода разгулялась, туман прошел, выглянуло солнце Нам приказали почистить одежду и постричься. Пролетело несколько немецких аэропланов, с черным крестом на крыльях. Ночью нас послали топить баню, но там уже топила другая рота. Была поверка, спать сегодня не пришлось. Завтра праздник Пятого Иоанна Предтечи, а нас заставляли петь песни. Слышался ропот между солдатами, что не дают ни минуты покоя{30}.

29 августа.

Как только мы встали часов в шесть утра, нас повели на учение{31}. Солдаты острили: кто говорил, что если немцы узнают, что наш полк сегодня учился, то сейчас же разбегутся, другие говорили, что ведут в баню и т. д. На учение присутствовал командир роты и батальона. Последний объяснил нам, какое наказание грозит тем, кто отстал или сбежал из роты, и при этом указал на стрелка, который пропадал два дня. Вообще говорил, что трусость есть не только низость, но и грех. Солдаты говорили, почему тогда нашего ротного командира не предают суду{32}.

В 10 часов утра была служба, и священник сказал слово. С самого утра шла очень сильная артиллерийская стрельба по всему фронту. Пообедали, и затем побрились и постриглись. Нас выстроили и повели снова к стеклянному заводу. День был

солнечный, и идти было жарко. Перед самым вечером пришли туда и разместились по старым местам. [161] Я залез в большую печку и спал там. В других ротах была поверка, у нас ее не было. Рассказывали, что немцы трижды выбивали наших гвардейцев из окопов, но те доблестно вновь занимали их.

Утром разбудили в 4 часа, вывели на шоссе, потом свернули и повели, по слухам, на правый фланг гвардии. Пришли в одну деревушку, составили ружья в козла, раскинули палатки и замаскировали их от аэропланов. После обеда я немного уснул. Проснулся и услыхал, что всем приказано спешно готовиться к выступлению. Весь полк двинулся вместе и пошел по направлению выстрелов. Потом говорили, что немцы прорвали в одном месте расположение одного из лучших гвардейских полков. Мы встали в саду одного имения на грядках капусты и других овощей. Вечером приказали раскинуть палатки.

Нам очень не хотелось расставлять, но кое как сделали это и улеглись. Получили хлеб, сухари и мыло.

День и ночь шла оглушительная стрельба. Мы ежеминутно ожидали, что нас потребуют на помощь, но обошлись без нас.

31 августа.

Проснулся, сильно зябли ноги. Немного походил и снова улегся спать. Немного спустя, сходил за водой, вскипятил чай и закусил. Помыл белье. Ждали с минуты на минуту тревоги и, действительно, приказали было снимать палатки, но потом отменили. Вечером стало известно, что немцы отступают. Пообедали. К ночи стрельба немного стихла.

1 сентября.

Разбудили полк в 3 часа, и через час мы снялись с бивака. После почти двадцативерстного марша по трудной дороге, пришли в польское имение у небольшого лесочка. Запылали огоньки, в котелках закипала вода. Рассказывали, что немцы ночью чуть не взяли нашу батарею; только благодаря бронированным автомобилям нам удалось отвести ее обратно. Я сам ходил смотреть бронированные автомобили с пулеметами; вещь – очень хорошая, только не везде применимая. Только на шоссе можно пускать их в ход… Сделали уборку и расставили палатки и пели песни. Кругом шла артиллерийская канонада.

На другой день утром было назначено учение, на которое пошли, попив чаю. Оно продолжалось два часа и по обыкновению сопровождалось рукоприкладством и ругательствами.

Сегодня купил булку за 15 коп., коробку печенья и монпансье. Вечером приказали готовиться, и в 8 часов выступили. Шли очень быстро и страшно устали. Ежеминутно спотыкаясь, мы, пройдя несколько оврагов, встали на позицию. [162]

3 сентября.

На рассвете сменили один из сибирских полков. Окопы они оставили нам очень хорошие. Ротный наш командир и полуротный заболели, а потому командует ротой прапорщик другого батальона. Он приказал днем ставить только одного наблюдателя, а ночью нельзя спать никому.

Многие легли спать, но скоро пришел батальонный командир я ногами расталкивал тех, кто заснул. Стоял сильный туман. Лишь только туман стал рассеиваться, мы стали замечать цепи окапывающихся немцев. Хотя обстрелять их было очень удобно залпами с расстояния 1500 шагов, но нам не приказали обнаруживать себя, а потому мы доложили ротному командиру. Последний не приказал стрелять, но скоро началась сама по себе одиночная перестрелка.

Противник открыл по нас артиллерийский огонь тяжелыми и легкими снарядами. Со страшным грохотом рвались вокруг меня «чемоданы», но благодарение Господу Спасителю, ни один снаряд не попал в тот окоп, в котором я сидел, хотя в соседней роте один тяжелый снаряд завалил землей и похоронил целое отделение.

Часа в два дня густые цепи немцев начали спускаться с горки в лощину против нашего фронта. Шли они очень спокойно, мы открыли по ним частую ружейную стрельбу, но в виду того, что заранее не пристрелялись и не определили дистанцию, попаданий было мало. Немного спустя мы пристрелялись и ни один из них не мог идти безнаказано. В то время, как мы растреливали атакующую нас пехоту, противник усиленно угощал нас из орудий. Снаряды рвались с ужасающей силой, от грохота болела голова, было темно в глазах, дым застилал все и ежеминутно думалось, что лопнут барабанные перепонки. В нескольких шагах от меня разорвался шестидюймовый снаряд и меня так ударило воздухом, что я думал, что хлынет кровь изо рта и носа, но обошлось благополучно. Противник залег за горкой шагах в 300 от нас и не показывался. Мы приготовились отразить атаку, но неприятель не шел с фронта, а делал попытки охватить наши фланги. Это тоже ему.не удалось{33}.

Противник сильно зашел левым флангом и наша рота несла большой урон от тыльного огня. С наступлением сумерек мы полагали, что вот-вот немцы возобновят атаку, но они не шли вперед. [163]

Если у противника было только силы, что мы видели, то, по моему мнению, теперь нам самим было нужно перейти в наступление. К сожалению, многие, наши солдаты слишком боятся наступать. Я, слава Богу, чувствовал себя совершенно спокойно{34}.

Так как каждую минуту могло последовать отступление, то я вынул из сумки самое дорогое для меня: иконку Св. Николая Чудотворца, и положил ее в карман. Ночь была очень темная и нужно было быть настороже, но страшно хотелось спать. Последнюю ночь не спали, весь день прошел в напряжении, мне стоило громадных усилий, чтобы не уснуть.

Часов в 10 нам приказали без шума отходить. Спотыкаясь на каждом шагу в темноте мы шли назад. Батальонный удрал вперед, предоставляя ротным командирам вести людей.

Стал накрапывать дождь и ночь была такой темной, что рядом стоящего человека не было видно. Приходилось идти по слуху, конечно, падая и спотыкаясь ежеминутно.

Сегодня, если бы у нас было столько же артиллерии, как у противника, он понес бы большие потери{35}. Мне очень хотелось пить, так как целый день у меня не было во рту ни одной капли воды. Услышав близко журчание ручья, я пошел туда, но стремглав полетел вниз. Опомнившись, увидел, что отделался только ушибами, выпил долгом две кружки воды и немного торопливо налил во фляжку.

4 сентября.

Утром пришли на дорогу, которая вела в горку покрытую высоким красивым лесом{36}. Здесь по обеим сторонам дороги встали в окопы, заранее приготовленные. Спать так хотелось, что я дремал на ходу. Здесь с удовольствием попили чаю и затем я уснул. Днем несколько раз принимался идти дождь. Потери за вчерашний день в нашей роте – 35 человек убитых и раненых. В других ротах потери были более значительны.

Мы думали, что здесь будем ожидать немцев, но вечером внезапно приказано было отступить. Перешли мост через Вилейку и пошли влево. Идти было неудобно: грязь, дождь и непроницаемая темнота. [164]

Очень устали, разбили ноги и выбивались из сил{37}.

Утром на следующий день остановились на поляне, а затем пошли дальше в лес. Пройдя несколько верст, встали у домика. Вскипятили чай, у огня обсушились и улеглись. Часа в два выступили и, покружившись, вышли на дорогу.

По дороге шли длинной вереницей повозки обозов и полки. Трудно было двигаться в этом нескончаемом море людей и лошадей. Наконец, вошли в ряд хуторов, расположению недалеко от дороги. Тут нас квартирьеры развели по сараям, но нашему вэводу места не хватило. Скоро, однако, нас повел, поизбу, где мы улеглись. Дали обед. Ночь спали.

6 сентября.

В 5 часов утра вышли на дорогу, по которой шли другие

полки. Вели нас ускоренным маршем{38}, так как противник слева напирал. У нас была задача, по словам батальонного командира, прикрыть отступление.

Привели на гористую местность и 2 батальона пошли на позицию, а наш батальон в резерв в деревню. Нашу роту поместили в огород, близ сарая. Только что вскипятили котелки, как нашим ротам приказали построиться, а затем бегом повели на горку, где и приказали окапываться. Чувствовалась тревога, паника, особенно на правом фланге.

Вскоре наши войска начали отступление. Наша рота снялась последней, но лишь только мы начали отходить из леса, как над нашими головами начала рваться шрапнель, но к счастью противник брал немного высоко и мы пробежали сравнительно благополучно. Только одного Калиныча ранило, а одного убило{39}.

Полк наш остановился около деревушки, где приказано было окопаться. Почва была болотистая, углубляться было нельзя: мы сделали прикрытие из нарезанных дернин. Начало темнеть. Чтобы было хоть что-нибудь видно впереди, наши запалили близ стоящую деревню. Целое море пламени бросало свет далеко вперед. Было очень холодно и шел дождь. Ноги увязали в болоте. Я было лег, но вода стала наливаться за ворот, и я страшно озяб. Тотчас вскочил и немного побегал. [165]

С наступлением ночи началась ружейная перестрелка влево от нас, но вскоре прекратилась.

Оттуда передавали, что противник наступает и слышны были крики. Один наш трусишка пронзительно крикнул: «спасайся кто может…» но вскоре опять успокоилось. Однако прошло не более получаса времени, как открылась в ночной темноте частая стрельба. Из соседней роты нам передали, что немцы забрали одну из наших рот в плен{40} и стоят шагах в 200 от стоящей налево от нас роты. Общее руководство всеми утратилось в ночной темноте, каждый делал, что хотел. Кто отходил, кто занимал еще окопы. Слева к нам несколько раз заходили стрелки соседней роты и просили доложить нашему ротному командиру, что им делать дальше. Но ни нашего, ни их командира не было. Недалеко от нас раздался возглас из цепи наступающей немецкой пехоты на русском языке: «сдавайтесь». В ночной тишине этот возглас несколько раз повторялся.

Скоро нам было приказано отходить левым флангом и окопаться лицом к леску, что мы и сделали. Оттуда нас обстрелял противник, но в атаку не пошел. Когда прекратилась стрельба, нам приказали отходить за деревню, где после некоторого брожения с места на место мы начали окапываться. Не успели мы

выбросить несколько лопатокъ земли, как приказали прекратить работу и идти в те окопы, из которых мы вышли. Мы исполнили приказание{41}.

Из виденного и пережитого мной за последнее время, приходится сделать заключение, что главное горе наше происходит оттого, что мало хороших, преданных делу, офицеров. Правда и в нижних чинах нет прежнего задора и гордости, как вначале войны, но все же при хорошем руководстве много можно сделать. В войсках нет прежнего под'ема, видимо люди устали, есть равнодушие ко всему, но слава Богу, уныния нет{42}.

7 сентября. Утром мы ожидали, что противник откроет артиллерийский огонь по нашим окопам и разрушит их, а потому каждый, как кто мог, улучшили свои окопчики. [166] Место явно было выбрано неудобным, но нам приказали сидеть именно здесь, и мы сидели.

Вскоре в лесок потянулись неприятельские кухни и обозы, но мы ничего не могли поделать, кроме того, что докладывали каждый раз ротному командиру. Результата не было, и немцы ездили в лес и из леса и ходили колоннами. Бездействие нашей артиллерии вызывало досаду солдат тем более, что немцы и по одному человеку не жалеют выпускать снаряды{43}. А мы по такой хорошей цели не открывали огня; ружейные пули, которые мы усердно выпускали, давали мало поражений на такой дистанции. Часов около 10 противник открыл частый и меткий огонь из орудий по нашим окопам. Страшный треск рвущихся снарядов оглушил меня. Кругом нас настолько изрыло землю снарядами, что дерном и землею с ног до головы засыпало нас. Несколько окопов было разбито. Человека 4 убило и несколько ранило.

Несколько человек, схватив винтовки, побежали в другое место, я решил остаться до конца, положась на волю Господню. Когда противник перестал стрелять, я, оглянувшись, увидел, что в окопах осталось нас человек 15, а остальные убежали. Через полчаса или около этого противник опять открыл артиллерийский огонь и вместе с тем затрещал пулемет. Я посмотрел вперед, и хотя немцев близко не увидел, но понимая, что такой незначительной горстью людей нельзя защищать окоп, я побежал вместе с оставшимися с мной стрелками к деревушке. Мимо нас с визгом пролетело несколько пуль, но меня не задело. Придя в деревушку, я присоединился к ротному командиру.

Видя, что мы отходим, другие роты тоже показались из окопов и побежали. Таким образом началось общее{44} беспорядочное отступление. Ротные командиры бродили без

солдат. Мы пробежали мимо батареи, которая все еще продолжала стрелять. Видя, что мы отходим, батарея быстро подала передки и ускакала. Мы кое-как начали разбираться и строиться. Навстречу нам шли новые войска. Я нашел подпрапорщика своей роты и вместе с ним присоединился к остатку роты. [167] Мы составили как бы отделение. Здесь нам пришлось нести цинки в штаб полка. Под'ехал батальонный командир, приказал, возвратившись из штаба, идти в резервный батальон. Не найдя штаба на прежнем месте, мы блуждали и увидели, что наш полк пошел в наступление, навстречу попадалось много раненых. Товарищи хотели нести цинки обратно, но я сопротивлялся этому, так как, может-быть, нашему полку не хватает патронов, пока мы ходим взад и вперед, полк может оказаться в затруднительном положении, и это с нашей стороны будет недобросовестно. Правда, нести цинки в полк было очень трудно; приходилось делать перебежки, неся две тяжелые цинки. На наше счастье увидели несколько человек, которые нам помогли. Я повел потом тяжело раненого и довел его до места где были санитары{45}. Мы пошли отыскивать наши роты, но пробродив часа два, ничего не добились и решили идти в штаб полка. Мне очень было тяжко, что в то время, как мои товарищи по роте, быть-может, сражаются, я хожу, как брjдяга, но ничего нельзя было поделать. Потом страшно хотелось хлеба покушать: его не получали трое суток, а пищу два дня. Но куска хлеба взять было негде.

В штаб полка нас не пропустили, а дали проводника. Проводник знал, где наша рота, не лучше, чем мы. Блуждая, таким образом, мы разбились по одиночке. Я стал ждать вечера, чтобы идя вдоль передовой линии, отыскать роту. Страшно устал.

Вечером, пробираясь вперед, я наткнулся на Сибирский полк, и ротный командир сказал мне, что наши пошли назад. Опять началось хождение. Встретил еще двух человек своего полка, которые несли тяжело раненого солдата. Они попросили помочь им нести, потом вмести идти отыскивать полк. Хотя мы очень устали, но пришлось согласиться. Мы тихо несли раненого, плечи болели от шестов носилок. Вскоре, однако, случайно наткнулись на санитаров того полка, которым передали тяжелую ношу. Мои товарищи вздумали было отдохнуть, но я посоветовал скорее двинуться в путь и отыскивать штаб полка. По дороге кухня одной из рот сибирских стрелков раздавала обед; мы попросили дать нам один котелок супу. Нам налили, и мы принялись есть супъ без хлеба. Суп был жидок. Когда пошли, долго пришлось поблуждать, прежде, чем нашли деревню, где стоялъ полк{46}. [168] Я зашел в сарай и лег, шедшие со мной стрелки зашли в

избу. Недолго спал я, холод заставил проснуться, пришлось перейти в избу. Но и там недолго удалось поспать, так как за окнами раздался сильный топот ног. Это шел один из полков нашей дивизии.

Один товарищ сказал, что скоро и мы двинемся. Действительно, только я вздумал вскипятить чай, как рота стала выходить на дорогу. Я вылил чай и присоединился. Шли всю ночь в полной темноте{47}.

8 сентября.

Утром вырыли окопы и сварили картофель, но в это время в тылу нашего расположения началась стрельба. Нам приказали делать перебежки в лес, где наступали немцы. Но скоро перевели нас обратно в окопы, где я и уснул. Артиллерия противника в это время обстреливала наши позиции. Вечером привезли на ужин суп картофельный, но без хлеба или сухарей. Поужинали и тем кончился день. Точно нарочно, когда хлеба много и суп гуще, а сегодня совсем жидкий

Сегодня ротный командир передал радостную вещь, если только это не обман. Под Львовом мы взяли в плен около 80 тысяч австро-германских войск и что по этому поводу служат благодарственные молебствия по всей России.

Это известие меня очень обрадовало, так как в последнее время мы терпели неудачи. Если это на самом деле случилось, то сильно поднимется дух народа и войска. Дай Богъ, что бы это было так.

Пришлось в эти дни переносить и голод и холод. Я лично смирился, но многие товарищи мечтали попасть в плен.

9 сентября.

Ночь провели в передних окопах, утром перешли в задние и не высовывались, что бы не вызвать огонь неприятельской артиллерии. Около 12 часов дня пролетел аэроплан, затем неприятельская батарея обстреляла опушку леса позади нас. Немцы ночью окопались впереди нас на горе, на расстоянии версты. [169]

Вечером стало известно, что нас сменят и мы отступим: когда стемнело, прислали ужин, порции мяса и немного сухарей. С голода поели очень хорошо. Артельщик мне дал две порции. Ночевали в задних окопах.

Часа в два нам приказали выходить из окопов и идти в лес по дороге; в это время впереди загорелся дом. Ротный командир очень сердился, что мы отходим во весь рост, а не ползком. Лесом пошли вправо и вышли на чистое место, потом, пришли в овраг, где собрался весь полк.

Здесь набрали воды и попили, так как пить страшно хотелось:

не пили почти целые сутки. По дороге прошли верст двадцать семь, и очень устали. Дорогой командир роты ударил одного стрелка за куренье, а батальонный за то, что отделенный сказал: «вот прошли 5 верст и устали, потому что отощали». Он в этих словах усмотрел ропот и грозил предать суду{48}.

В деревне, где мы остановились, нам сказали, что здесь 8 числа были два полка немецкой кавалерии, которые захватили два транспорта нашего обоза, при чем порубили прислугу и прикрытие, а в соседней деревне взяли 20 девушек и увели с собой. Часть обоза была отбита казаками.

Здесь нам выдали сахар, сухари и полусало для смазывания винтовок. Достали поросенка, закололи и сварили два котелка свинины. Спали в сарае, ночью приказали быть готовыми к выступлению.

11 сентября.

Часа в два ночи нас разбудили и построили. Пошли в тыл, – но шли очень медленно, потому что отступали все полки нашей дивизии, а также и сибирцы. Шли верст семнадцать и остановились в деревне, где не было воды. Кое-как достали котелок грязной болотной воды и вскипятили чай. Неприятельский аэроплан описывал над нами круги, делая разведку. Поели немного мяса. Вечером поужинали и легли спать.

Недолго дали нам покой. Въ 11 часов разбудили и приказали одеваться, а потом отвели версты две и расположились в сараях. Утром отвели назад. В 9 часов была панихида по недавно убитым в боях. Нам приказали рыть землянки. Мы скоро вырыли землянку на троих и уснули в ней. Выдали много сухарей и немного сахара. Воды трудно достать, а пить страшно хочется. [170]

Перед вечером поднялась страшная канонада, прямо стонала земля от выстрелов тяжелых орудий. С вечера приказали одеть снаряжение и быть готовыми, но вскоре разрешили лечь в землянки. Орудия и ночью грохотали.

13 сентября.

Подняли в час ночи и весь полк повели на левый фланг нашего расположения. Оказалось, что солдаты одного из пограничных полков, посланные на помощь стоявшему в окопах полку, увидев окопы, приняли их за немецкие и с криком «ура» пошли на них в «штыки». Две роты стоявшего в окопах полка, пришли в замешательство и, не зная в чем дело, выбежали из окопов, а немцы этим воспользовались и заняли их{49}. Нам приказано были их выбить из окопов, но не удалось, так как нас слишком долго водили и приготовляли; начало рассветать. Видна какая-то растерянность и неуверенность. Наша рота была

назначена в резерв, а потому ее беспрерывно перегоняли с места на место по лесу. Ранило батальонного командира в спину поперек пулей. Нас отвели вперед в кустики и приказали окопаться. Выкопав окопчик, немного уснул. Подвезли пищу. От плохой воды захворал.

Влево от нас опять беспрерывно гремят тяжелые орудия. Вечером сказали, что ночью нас, наверное, сменят. Углубили окопы.

14 сентября.

Часа в три ночи нас сменили и отвели в деревущку, разместили в сараях. Вскипятили чай. Сегодня ночью сломал лопатку.

Утром была обедня. Знакомые звуки песнопения «Кресту Твоему поклоняемся Владыко», сладко забирались в душу и хотелось слушать без конца. Пошел дождь.

Вечером нас повели на поддержку одному полку, но в темноте долго водили, а потом разместили в сараях, но так тесно, что сесть было негде. Аммуницию не снимали.

В 12 часов ночи нас вывели из сарая и повели к штабу полка, но в темноте и по грязи трудно было найти дорогу. Наконец, привели в деревушку, из которой вышли три дня тому назад. Здесь разместили в сараях, и я в темноте лег на хворост около тына и уснул. Утром вскипятили чай и я с'ел порцию. Часов в 9 перешли в окопы и разместились в своих землянках. [171]

День был солнечный. Чистили одежду от грязи и насекомых. Сегодня представленные к наградам ходили к батальонной командиру Представленными оказались взводные, отделенные и мало стрелков. Несколько человек получили письма.

Ночь провели в землянках. Пошел было дождь, но утром день разгулялся, и нас повели на занятия. Противник начал обстреливать артиллерией и занятия были приостановлены. Присутствовал на них новый батальонный командир, подполковник с Георгиевским крестом. С учения возвращались поодиночке, что бы не обстреляла артиллерия. Пообедав, починил сумку. Меня назначили дежурным.

Вечером пошли в наступление. Хотя ротный командир и сказал что идут в наступление все корпуса, но, повидимому, оно носило частичный характер. Спустившись под горку, мы залегли на поляне, ожидая дальнейших приказании. Открылась сильная ружейная и артиллерийская стрельба. Наши полки пошли в наступление и, кажется, удачно. Нашему полку подвезли обед и я немного достал водички. Однако скоро нас воротили обратно в окопы, где мне пришлось дежурить до 1 часу ночи. По всему фронту трещали пулеметы и шло в тыл много раненых.

17 сентября.

Уснул немного. Утром сходил за водой и вскипятил чай. Сильно торопился, опасаясь, что роту возьмут на позицию. После чая уснул немного снова. Перед вечером приказали приготовиться сменить полк, стоявший в окопах. Вечером пошли сменять, противник пустил несколько снарядов, но никого не задел. Окопы, которые мы заняли, были недокончены, а потому нам было приказано удлинять и уширять их. Вскоре прекратили работу, так как нас перевели на другую позицию одного из Сибирских полков, долго шли лесом. Когда пришли на опушку леса, уже начинало светать.

Здесь остановились на привал и немного отдохнули, при чем я даже успел заснуть. Нас подняли, повели опять вправо лесом и стали размещать по одиночке в окопах. Позиция на первый взгляд показалась очень странной, но потом осмотрелись, и нашли, что она недурна{50}. Начали углублять и соединять одиночные окопы. Несколько раз сварили чай. Проходил батальонный командир. Сегодня принесли много писем и я был вполне уверен, что и мне есть письмо, но ошибся: многим было, мне не было. Вечером был послан в секрет; в лесу стоять было темно, но противник нас не беспокоил.

19 сентября.

Часа в два ночи нас сменили в секрете и мы побрели в окопы, но остальную часть ночи спать не удалось. Перед обедом нам сказали, что нашей роте придется перемениться местом с другой ротой нашего полка. Уходить было неприятно, так как здесь свободно. Получили по одной смене теплого белья. После обеда перешли на новое место. Наш взвод придали к 8-й роте и заставили рыть ход сообщения и землянку для полуротного командира. До вечера копали, а потом дали ужин и перевели в окоп, где приказали разравнивать, углублять и маскировать позицию. Завтра Воскресение Христово, вспоминается минувшее время, маленькая церковь, огни свеч и как бывало стоял в храме Божьем. [176]

Всю эту ночь проработали окопы. Утром съел порцию и уснул. Пробуждение было не из приятных, по окопам ходил батальонный командир и их осматривал. Он остался недоволен нашей работой. Ночью приказал рыть новые, а эти после обеда исправить. Итак труды наши пропали даром. Получили некоторые стрелки письма, а мне нет и нет. Досадно, но ничего не поделаешь.

После обеда противник обстрелял наши окопы, при этом один снаряд упал в козырек нашего окопа: одного ранил и двух контузил. Вечером пошли рыть новые окопы. Трудно было

работать маленькими лопатками, но пришлось сделать урочную работу.

21 сентября.

Всю ночь поработали, а утром вскипятили чай, я попил, с'ел порцию и уснул. Дали обед. Вечером пошли делать козырьки и проработали всю ночь. Ночью мне сказали, что мне есть письмо, сему я несказано обрадовался.

Утром вскипятил чай, а потом перешли в новые окопы, где я уснул. Жена, от которой я получил письмо, пишет, что наступила у них осень с холодом и дождями. Немцы уже близко и вся деревня собирается уходить. Все это очень печально. Ночью пришлось рыть ход сообщения и углублять окопы, но вскоре сказали, что нас сменит полк другой дивизии. Мы работу прекратили и уснули. Когда нас сменили, идти было очень темно. На опушке леса нас положили и мы дождались рассвета. Сегодня получил жалование 90 коп., на табак 86 коп. и 1 р. 50 к. за медаль.

23 сентября.

Утром нас отвели назад в лес, где нас об'езжал командир корпуса, который сказал, что скоро мы пойдем вперед, и советовал настойчивей идти в атаку, чтобы меньше нести потерь. Весь этот день пробыли в лесу. Вечером полк ушел на позицию, а наша рота осталась в лесу на месте. Ночью озябли ноги, немного погрел их около огня.

Утром стреляла артиллерия, как наша, так и немецкая. Иногда слышались ружейные выстрелы. Взводный подарил мне сегодня газету: «Новое Время», в которой сообщалось, что наши войска под Луцком одержали победу. Около обеда наша рота перешла в деревню, где напились чаю.

25 сентября.

Ночь проспали в сарае, где провели и день. Вечером рота мылась в бане. Воду нагрели камнями. Часов в 10 пришли другие роты нашего полка и нам пришлось перейти в один сарай вместе с другой ротой. [177]

Разбудили в 4 часа ночи, мы вскипятили чай, в 6 часов тронулись в путь и в 12 пришли в деревню. Здесь дали обед и поместили 2 взвода в сарае, а остальные – около сарая.

27 сентября.

Ночь провели в сарае, утром вскипятили чай, а в 10 часов было богослужение, в 12 часов – обед. С большим удовольствием отстоял богослужение.

Сегодня подстриг бороду. Вечером была общая поверка.

28 сентября.

Встал в 5 часов и вскипятил чай. В восемь мы пошли на

учение. Занятие происходило: стойка и рассыпной строй. Сегодня опять выбирали людей к наградам. Вчера были представлены три человека из роты и как всегда получили – писаря и вообще присные различного начальства и были обойдены такие люди, которые провели более года в строю и были во всех сражениях полка.

Много эти награды сеют озлобления и огорчения.

После обеда была чистка винтовок при полной разборке. Сегодня ходил за медалью 3-й степени в канцелярию полка, где и получил ее за №… Вечером была поверка с музыкой.

29 сентбяря.

Утром вскипятили чай, а потом пошли на занятия, которые были все те-же, что и вчера, но с добавлением прыжков и бега. После обеда опять было занятие и кроме рассыпного строя прыгали через ямы. Пришло добавление.

Вечером обедали без хлеба. Утром пили чай и пошли на занятия, но вскоре пришло еще добавление и нас отвели назад, приказав протереть винтовки, и дали обед.

Получил письмо от брата Ивана. После обеда была стрельба. Я попал три раза из трех. Назначили отделенным.

1 октября.

Утром сварили картофель и поели. В 10 часов пошли к обеднице, после которой дали обед и приказали быть готовыми. В два часа выступили в деревню Кучуки в направлении к позиции. Написал письмо брату Ивану Андреевичу. Итти хотя было и недалеко, но вчера, прыгая, отбили ноги, и потому больно было итти. Вечером пришли в деревню и поместились в сарае. Дали ужин.

Разбудили в 5 часов и тронулись в путь. Пройдя версты две, остановились в деревне около речки. Здесь нам, кажется, в первый раз об'яснили, что будет делаться на фронте. Наша армия будет наступать и мы составляем армейский резерв. Сварили картошки. После обеда нас повели в деревушку и поместили по сараям. Перед вечером было занятие – отдание чести. [178]

3 октября.

Ночь провели в сарае. Утром вскипятили чай и с'ели порцию. В 8 часов пошли на занятия, которые состояли в маршировке, отдании чести и поворотах. На взгляд солдат это занятие бесплодно и даже слышатся голоса, что этими занятиями сами гонят в плен{51}. Вчера выдали очки и маски от удушливых газов. Вчера меня было хотели отослать в распоряжение Двинского Этапного Коменданта для разбора кореспонденции, но ротный командир меня оставил в роте, а послал Бекреева.

Вчера отослал письмо брату Ивану Андреевичу. После обеда в

3 часа послали опять на занятия, но через час пришло приказание прекратить занятие, раздать ужин и быть готовым к наступлению. В шесть часов передали, что пойдем в 8? часов. Я немного уснул. В 9 часов тронулись в путь. Светила луна. Через 1? часа пришли в деревушку и разместились по сараям. Я подослал соломы и уснул, но вскоре проснулся: озябли ноги, да и побаливали после маршировки, как отбитые. За ночь три раза просыпался. Наша артиллерия более часа стреляла частым огнем.

4 октября.

Утром только что вскипятили чай, как приказали строиться; пришлось выпить чай и итти. Пошли мы в деревушку, не далеко, где поставили нас за сараем, а потом перевели в окопы, где попили чаю{52}. Часа в два выступили и пошли в деревню, где опять поместили в том же сарайчике, где были и раньше. Немного уснул, потом умылся, согрел чаю, а потом опять уснул. Получил письмо от жены, в котором она пишет, что у нас в Самуйлове стоит 6 тысяч солдат, что ей прибавили пособие, что у них взяли на окопы Матвея Хромовникова, Леонтия Храпкина, Никифора Шевякова, шурина Левшака, что Якова перевели в другой город, что шурин Иван попал в плен, что Миша Якова уехал в Петроград и т. п..

Написал жене письмо и отослал.

После обеда ходили на учение. Вечером продавали посылки убитых и раненых. Ночью ходили в баню.

6 октября.

Утром было учение, а после обеда в 2 часа выступили сначала в деревню Грачевку, а потом дальше в деревню, где разместились в том же сарае, где были и раньше. [179]

Спать было очень тесно. Утром согрели чай, а потом были на ученьи. Получил письмо от брата Ивана, в котором он пишет, что начальник мастерской обещал похлопотать обо мне, чтобы возвратить меня в мастерскую{53}. После обеда был назначен дежурным по роте. После обеда делали землянки для отделения на каждый взвод.

8 октября.

Ночь не спал, хотя и было возможно. Всю ночь пробыл у огня. С утра рота была на занятии, а после обеда стрельба, при чем я попал из 3 – 2 раза. Написал и отослал письмо брату Ивану Андреевичу. Сегодня опять была распродажа посылок{54}.

Ночь провели в сарае. До обеда было занятие – маневр. После обеда сторожевое охранение на месте. Ночь провели в сарае.

10 октября.

С утра было занятие и маневр. После обеда сторожевое охранение на походе. Сегодня выдали жалование: 90 коп. и 90 к.

табачных, 6 рублей за крест и 2 р. 90 к. за медаль. Выдавали сапоги и шинель.

С утра – занятие, в 10 часов – служба. Служил новый священник и сказал маленькую проповедь. После обеда было занятие.

12 октября.

Сегодня с утра было занятие и после обеда тоже.

С утра занимались, а после обеда приказали нам делать землянки. Сегодня выдавали белье, перчатки и портянки. Говорят, что едем в Одессу.

14 октября.

С утра шел снег и с утра-же доделывали землянку, а после обеда – стрельба. Я из 5 попал 3 раза. Вечером перешли в новую землянку и разместились там.

С утра – мороз. Занимались гимнастикой, а потом пошли было на стрельбу и меня назначили старшим махальным, но со стрельбища нас вернули обратно, потому что стрелял III батальон. После обеда стреляли сделавшие промах и вновь прибывшие. Я был старшим махальным. Попадания были очень редки. Вечером выдавали дарственные пару кальсон и пару рубашек и по одной конфете.

16 октября.

Утром была гимнастика, а потом церемониальным маршем ходил весь полк. Говорили, что сегодня пойдем погружаться в вагоны. После обеда выдавали сапоги и я получил рубашку. Приказали починиться, помыться и почиститься. Вечером постриглись и побрились. Приказали все приготовить, помыть руки, шею и лица теплой водой.

Утром приготовили чай. Получили хлеб, сахар и чай. После обеда с музыкой выступили в путь. Дорога была недальняя – всего 8 верст. Пришли на станцию Полочино перед вечером, здесь дали ужин. Погода засеверила. В 10 часов началась погрузка. Наша рота назначена была грузить обоз. При погрузке началась неразбериха, но часа через три все-таки погрузили обоз и пошли сами садиться. Вагоны грязные, нет ни досок для нар, ни печки, ни фонаря. В каждый вагон поместили по 41 человеку, было тесно. Мы залегли на нарах; в 2 часа ночи поезд тронулся.

18 октября.

Утром поезд остановился на станции Молодечно, и затем тронулся дальше. На станции Осиповичи купили белого хлеба, сахару, яблок, пирожков. С нами в вагоне ехали 2 солдата, едущие в отпуск. Много ехало беженцев.

Утром остановились на станции Бобруйск. Я умылся, попил чаю и затем написал письма брату Ивану и жене. На станции

простояли до 2 часов вечера. Я сегодня заступил дежурного по роте. Весь день пришлось простоять снаружи вагонов а ночью удалось поспать мало.

20 октября.

Утром прибыли на станцию Жлобин, где и постояли до вечера. Отослал письма жене и брату Ивану. Получили чай, сахар и сухари. Вечером тронулись дальше, но вскоре остановились. Утром прибыли на ст. Бахмач, где купили колбасы, а затем всю ночь ехали почти без остановки.

22 октября.

Сегодня день полкового праздника, но нам ничем его не отметили. В прошлом году хотя дали по фунтовой булке, несмотря на то, что были в походе и достать их было негде, между тем как нынче на каждой станции можно было купить, что угодно. По этому поводу солдаты говорили, что экономию соблюдают на солдатский счет{55}. Сегодня играл в карты и, как всегда, проиграл 3 рубля. [181] Вечером прибыли на ст. Херсон и затем пошли в деревню Арнаутовку, отстоящую верст 7 от Херсона. Дорога ужасно грязная и скользкая, к ногам грязь страшно липла. Часов в 12 ночи пришли в деревню, поместились в помещении обывателей – казенке, где уже была настлана солома. У хозяина дома оказалась богатая лавочка и солдаты сейчас же начали тащить сало, яблоки, белый хлеб.

23 октября.

Утром проснувшись умылся, помыл сапоги, поел, а потом почистил винтовку. Купили арбузов, а после обеда постирал гимнастическую рубашку. Сегодня как раз 10-летие моей свадьбы и год со дня рождения сынка – Павлуши. Прожитые 10 лет с женою я могу назвать счастливыми и дай Господь, чтобы и впредь мы жили так же. Дай Господь, чтобы и сынок во вступившем втором году жизни был здоровым. Вечером хозяин принес керосинку и чайник и предложил вскипятить чай взводному. Мы все почти напились.

Ночь провели в помещении. Сегодня праздник Всех Скорбящих радости. С 8 часов пошли на занятия и занимались до 11 часов. Придя с учения пообедали. В 4 часа приказали приодеться при одной сумке и повели к Благовещенскому монастырю, отстоявшему от деревни версты на 11/2, где прошли раз церемониальным маршем, а затем пошли в храм, в котором отстояли всенощную. Величественный вид храма и благозвучное пение монашек производили глубокое впечатление и я с наслаждением слушал всю всенощную. Оттуда возвратились ночью.

25 октября.

Утром опять оделись при одном подсумке и пошли в монастырь, где отстояли литургию и молебен, а потом прошли церемониальным маршем. Хотел купить маленькое Евангелие, но не было времени. Получил письма от жены и брата. Сегодня нам выдали по 1 булке, по 7 штук конвертов и по 7 штук печенья. Покупали арбузы.

26 октября.

Утром пошли на ученье, но вскоре вернулись обратно и пошли в баню в город Херсон. Город Херсон не очень казистый. В бане помылся очень хорошо. После обеда переписывали у кого каких вещей из имущества нет или вещи пришли в негодность. Прочитали газету, особенных новостей нет.

27 октября.

Утром попили чаю, а затем пошли на ученье. Сегодня приказом по полку я произведен в унтер-офицеры. После обеда я побрился и пошел в город Херсон, и под моей командой – 5 человек стрелков. В городе снялись в фотографии вчетвером: я, Мойса, Салаев и Власов. [182] Выйдя из фотографии, пошли в чайную, попили чайку; я взял 1 ф. винограда, 1 ф. яблоков. Вечером пошли в деревню. Пришли на квартиры часов около 8. За карточки взяли за полдюжины 2 р. 50 к. Утром пошли на занятия. После обеда тоже было занятие.

29 октября.

Утром ходили на занятия, а после обеда в церковь к вечерне. Вечером пошел дождь. Утром пошли в церковь к обедне в монастырь. Служил наш священник, служил обедницу. Итти было грязно. После обеда почистили винтовку. В монастыре купил Евангелие, заплатил 20 коп. В 4 часа опять пошли в монастырь – ко всенощной. Пели монашенки и пели очень хорошо. Возвратились часов в 6. Итти было грязно. Пищу сегодня варили с рыбой.

31 октября.

Сегодня встали в 6 часов, оделись и пошли в монастырь. Пришли рановато и немного постояли в храме, а затем начали читать правила перед исповедью, а потом началась и самая исповедь, которая была общая. После исповеди началась литургия. Литургию отстояли хорошо, а затем начали подходить к Св. Причастию. Священные изображения великолепного храма навевали на душу благоговейные размышления и, благодарение Господу, отговел хорошо. Вечером получили рубашки гимнастические и шинели. Я получил тоже рубашку.

1 ноября.

Утром пошли в монастырь, отстояли обедню. Пели монашенки и пели очень хорошо. После обеда хотели итти в

Херсон, но моя очередь была дежурить. Вечером ходил с рапортом к дежурному по полку. Ночь почти не спал, дежурил; утром будил роту, записал больных. Прозевал ротного командира, а потому и с рапортом не подошел в обед. После обеда пошел дождь и занятие было во взводе. Сменился с дежурства, а затем уснул. Сегодня было много писем, но мне не было.

3 ноября.

Всю ночь шел дождь. Утром пошли на стрельбу. Стрелять было не очень хорошо: дул сильный ветер, шел дождь, но я все-таки 4 штуки попал из 5. После обеда было словесное занятие. Были письма, но мне не было. Утром пошли на учение, а после обеда ходили стрелять. Вчера вечером прибыл Рябчиков. Получил письмо от жены.

5 ноября.

Утром было ротное ученье, а после обеда отдание чести и рассыпной строй, с 8 часов – церемониальный марш поротно и побатальонно. Говорят, что будет смотреть государь. После обеда – ротное ученье, которое состояло из маршировки и захождений. [183] За неудачную маршировку погоняли изрядно бегом. Часов в 9 сказали, что ожидается тревога, но через час передали, что тревоги не будет, потому я снял сапоги, разделся и лег спать. Через полчаса об'явили, что играют тревогу, и я кое-как надел все на себя и во-время управился. Наша рота первою вышла на плац; около часа постояли на плацу, а потом с песнями распустили по квартирам.

7 ноября.

Спали до 8 часов, а потом попили чаю. Утром меня позвали к подпрапорщику, который сказал мне, чтобы я к 9 часам шел к штабу полка, откуда нас поведут в город Херсон для отобрания квартир для роты. Я наскоро сходил на квартиру, где взял карандаш и бумагу и подошел к штабу полка. Навстречу нам уже шли квартир'еры полка под командой подпрапорщика.

Присоединились к ним. В Херсоне около 3 часов пришлось ожидать подпрапорщика. Идя в город вспотели, а потом, постояв около Думы, озябли и потому пошел в кофейную, где выпил 2 стакана кофе по 8 коп. за стакан. Часа в 4 пошел отбирать квартиры. Получил карточки. Вышли недурные. Часов в 5 отобрали квартиры, а затем пошел в деревню Арнаутовку, куда прибыли в сумерках, и доложив прапорщику, пошел на квартиру. Есть очень захотелось, поел огурцов, колбасы и попил чаю, и потом с нашего взвода потребовали караул. Пошел взводный. Часа в 4 утра в роте начали собираться к выступлению в город. Мы попили чаю и закусили, а в 6 часов дежурный передал, чтобы

собирались. Мы оделись и в 8 часов выступили в город. Итти пришлось долго, через весь город и за городом несколько раз прошли церемониальным маршем мимо старичка – начальника дивизии. После репетиции отвели по квартирам. Наш взвод разместили в столярной мастерской. Помещение на первый взгляд было как будто холодное, но благодетель – хозяин дал стружек и затопил печь, мы нагрели чаю и потом легли спать.

9 ноября.

Утром, попив чаю, пошли ходить церемониальным маршем. Сегодня пришло добавление К. губернии – ратники 2-го разряда. Послал письма брату и жене.

10 ноября.

Утром пошли ходить церемониальным маршем. Смотрел командир корпуса. Прошли один раз и потом на квартиры. После обеда пошли на пригонку амуниции и обмундирования. Дела было бы на час, а проканителились до поздней ночи. Кое-кому выдали сапоги, фуражки, подсумки и прочее. Вечером подстриглись и побрились; поздно легли спать. [184]

11 ноября.

Разбудили в 3 часа и приказали приготовиться. Мы попили чаю, потом скатали палатки, одели амуницию, подождали до 6 часов, а потом пошли на плац, куда пришли часов в 8. Государя пришлось ждать часа 11/2, государь об'езжал верхом, наследник ехал в автомобиле. Государь очень худой, бледный и глаза у него впалые. Наследник очень хороший, милый мальчик. После об'езда государь пропустил нас церемониальным маршем и сказал: «спасибо». После церемониального марша{56} первую линию рот повернули кругом и между ротами стали офицеры. Вскоре государь с наследником прошли пешком между рот и остановились около офицеров, при чем государь подал руку нашему батальонному командиру и командиру соседнего батальона, после чего, поблагодарив остальных офицеров и сказав нам – стрелкам: «спасибо» и что надеется, что и молодые стрелки вперед послужат ему и родине на славу родного полка, пошел дальше. Шел дождь. Придя со смотра, мы пообедали. Обед был плохой и солдаты говорили, что если бы государь приезжал на смотр в место расположения полка, то такого обеда не сварили бы, а то знают, что не приедет. Вечером дали по 3/4 ф. белого хлеба. Утром пошли на учение. Оно состояло в рассыпаньи и движении цепей. После обеда было строевое занятие и фехтование.

13 ноября.

Утром ходили на занятие. Делали наступление, а с обеда меня назначили дежурным по роте. Хотелось сходить в баню, но,

повидимому, не придется. Дал Прошенке 1 р. денег, чтобы снялась в фотографии. Сегодня вызывали знающих болгарский и турецкий языки{57}. Вечером пришло добавление 12 человек С. губернии. Вечером призывал батальонный командир дежурных, и передал, что завтра занятия и стрельбы не будет. Пришел приказ, что наша рота назначена на гарнизонный парад. Вечером пришла связь и сказала, что еще прибудет добавление. Всю ночь пришлось бродить то туда, то сюда. Утром пошел дождь и с приготовлением к параду пришлось бродить все время: то за папахами, то за подсумками. В 12 часов сменился с дежурства. Перешли на новую квартиру. В 9 часов пошли в баню и оттуда пришли в 12 часов ночи. Получил письмо от жены, новостей нет. [185]

15 ноября.

Утром попили чаю, затем я сходил в церковь. Квартира холодновата. После обеда повели на осмотр врачей, но осмотр состоял только в том, что врач прошел по шеренге и спросил каждого: здоров ли? Заявивших себя больными повели в помещение нашей роты и осмотрели.

Утром хозяйка в 6 часов приготовила чай, принесла миску картофеля и огурцов. В 8 часов пошли на маршировку и отдание чести, а потом собрались было на стрельбу, но батальонный командир отменил. Пошли на словесность. Пришел ротный командир и поговорил кое-что с нами. Послал письмо жене.

17 ноября.

Утром вскипятила хозяйка чай и дала коровай белого хлеба. Вообще хозяйка относится к нам очень хорошо. Вчера, например, она вымыла без просьбы все наши котелки. В 8 часов пошли на учение, а в 9 дали обед. Потом пошли на стрельбу, но я остался один и много выгадал, потому что пришлось вести к штабу полка вновь прибывшее добавление и там ждать часа три, пока приехал командир бригады. Возвратясь оттуда, вскоре пошел на словесное занятие. Вечером получил письмо от Ильи Ивановича, в котором он пишет, что Путиловский завод работает хорошо, выделывает до 25000 снарядов и до 250 пушек, по 3 бронированных автомобиля и до 10 минных крейсеров.

18 ноября.

Утром хозяйка вскипятила чаю и достала рыбы (тульки) и ситного. В 8 пошли на занятия, в 11 на обед, а с 2-х часов опять занятия.

Выбирали разведчиков полковых и ротных. Написал письмо Илье Ивановичу. Эти дни нам дают белого хлеба.

19 ноября.

Утром благодетельница – хозяйка вскипятила чаю и опять

принесла рыбы и картофеля и белого хлеба. В 9 часов дали обед и потом пошли на стрельбу. Меня оставили и приказали заниматься с оставшимися. Я немного позанимался, а потом распустил их, а сам пошел купить бумаги и конвертов. Хотел купить книжку «Обязанности рядового», но таковой не оказалось, пришлось купить «Обязанности ратника». После обеда вышли на занятия, но вскоре пришла рота и занятия прекратили, сказав, чтобы все унтер-офицеры явились в 5 часов на занятия. Батальонный пришел в 6 часов, поговорил об огне при наступлении и обороне. В 7 часов кончили занятия. Утром вышли на ученье, а в 9 часов пошли на стрельбу, но меня оставили, и мы занимались с полчасика и разошлись по квартирам. [186] Вечером сходил в церковь. По случаю Введения во Храм Пресвятой Богородицы певчие пели очень хорошо. Сегодня ожидали тревоги, но ночь проспали спокойно.

21 ноября.

Утром, попив чаю, пошел в церковь, возвратись оттуда пообедал, а потом меня назначили для присутствия на полковом суде. Судили 4-х стрелков. Обвинялись они в самовольной отлучке кто на 15, кто на 20 дней. Всех их осудили на 2 месяца одиночной военной тюрьмы с приведением приговора к исполнению по окончании войны, при чем председатель об'явил, что если они в будущих боях окажутся молодцами, командир полка может простить их своей властью.

Вечером ходили ко всенощной.

22 ноября.

Утром было собрались в церковь, но пришли и сказали, что будет смотр и мы остались. Смотрел подпрапорщик, и смотрел только консервы и сухарные мешки. Погода с утра туманная, а потому занятий не было. День совершенно весенний и мы после обеда вышли и долго сидели на завалинке.

23 ноября.

В 8 часов утра повели на поле. Итти было страшно грязно, к сапогам липло необычайно, я сильно утомился, голова закружилась. Я думал, что вот-вот упаду, но отставать не хотелось. Придя на место, откуда начинался маневр, я отправился и отдохнул. Потом начали наступать. Наш взвод шел в заставе. Итти было очень трудно, и мы пока дошли до опушки, сделались мокрехоньки от пота. После обеда было словесное занятие, а потом гимнастика. У нас со вчерашнего дня два взводных на взводе.

24 ноября.

Сегодня день Св. Великомученицы Екатерины – день ангела моей дочурки – Кати. Разбудили нас в 4 часа, попили чаю, в 7

часов пошли на стрельбу. Погода очень неблагоприятная; дождь и ветер, а дорога трудная. Я не стрелял. Со стрельбы пришли в 1 час, а в 3 пошли на словесное занятие.

25 ноября.

Утром попили чаю, а затем пришел дежурный и сказал, чтобы я шел к 8 часам в канцелярию полка за получением креста. Из нашей роты пошли трое.

Придя к канцелярии мы увидали, что все стоят с подсумками и ружьями, а мы пришли без всего. Пришлось бежать на квартиру. Придя опять на площадь, я стал с людьми своей роты. Полковой ад'ютант уже проверял людей, но когда подошел ко мне и увидел, что у меня есть уже крест 4 степени, сказал, чтобы я шел на левый фланг. [187] Я ушел и стоял там до тех пор, пока командир роздал все ордена, но ко мне не подошел, потому что ад'ютант, увидя меня, сказал, что мне здесь делать нечего и я отошел к тем, которые собрались итти на репетицию. Вскоре все пришли сюда, получившие кресты, и наши Ильин и Козловский сказали, что командир полка сказал ад'ютанту, чтобы мне заменили крестом 3. степени. Не знаю, заменят ли{58}? Почему-то мне уж очень не везет с крестами. Иные просто шутя получают и ни за что, а мне если и запишут, так наканителишься. Еще в прошлом году за бои в Августовских лесах был записан крест, но благодетель-подпрапорщик переписал на другого. И вот теперь я был представлен за Болеховский бой, а возвратясь из госпиталя, ни от кого я не слыхал, что предоставлен, и потому за бой 17 августа получил крест 4 степени. А теперь и за Болеховский бой получил тот же 4 степени, и так как два креста одной и той же степени носить не полагается, то мне и не выдали. Нас в полку собралось георгиевских кавалеров 250 человек. Часов в 9 нас с подсумками повели в город. Около губернаторского дома вдоль дороги нас выстроили, потом приехал командир бригады и повели на крепостной плац, где мы и проделали репетицию: прошли раз церемональным маршем, два раза брали на караул и один раз – на молитву, а затем пошли по квартирам. Устали порядком и думали после обеда отдохнем, но не успели пообедать, как прибежал дежурный и сказал, чтобы шли на занятие. Заниматься ходили в поле, где расставляли посты. С учения возвратились около 6 часов и страшно устали.

26 ноября.

Вчера сказали, что занятия не будет и потому мы и спали до 7 часов. Вчера еще вечером после поверки мне сказали, что мне есть денежный перевод на 5 рублей, потому я сегодня пошел к подпрапорщику, но уже собирались георгиевские кавалеры и выдавать деньги было некогда. Опять собирались на той же

площади часов в 8, опять пошли в город и опять же и в том же порядке все проделали, что и вчера. Парад принимал начальник дивизии. На площадь приходил крестный ход во главе с епископом Прокопием Елизаветградским. Мне очень нравится, когда играет музыка «Коль Славен наш Господь». По окончании парада прокричали «ура» государю и государыням и пр., а потом пошли по квартирам. [188] После обеда повели людей всей роты в кинематограф. Я не пошел. Получил 5 рублей денег от брата Ивана. В отрезном купоне он пишет, что вместе с деньгьми послал письмо, но я письма не получал. Нам – георгиевским кавалерам – выдали гостинцы: колбасы, булку и шеколад, по два яблока и по батистовому платку. Занятия не было. Перед обедом позвали к канцелярии роты и там сказали, что по 30 человек из роты пойдут в театр и прежде всего георгиевские кавалеры{59}. Пошли в городской театр с музыкой. В театре разместились очень хорошо. Представлена была переводная французская комедия «Сан-Жен». Артисты играли хорошо. Придя на квартиру, попили чаю, а затем поужинали.

28 ноября.

С утра сказали, что сегодня будет молебен. Нас собрали и повели на какую-то дровяную площадь, но повели совсем не туда. Нужно было итти в город, а нас повели, наоборот, из города. Поэтому, когда нас привели в городской собор, то уже оказалось, что в собор войти нельзя – нет места. Служил молебен епископ Прокопий. После молебна отправили по квартирам. Затем после обеда были на словесном занятии. Вечером сказали, что завтра в 7 часов уходим, а куда отправят, неизвестно. Вечером собрали и сложили все свои пожитки. Встали в 4 часа, хозяйка принесла чай и мы попили и закусили. В 6 часов вышли строиться, а в 7 пошли на станцию через город. Часов в 9 пошел поезд. Как-то привыкли к жителям и не хотелось уезжать. Окружающая железное полотно местность была совершенно ровная, насколько хватал глаз. Часа в три дали обед на станции Бобринская.

30 ноября.

Проснулись часов в 8, поели и попили чаю Часов в 12 выдали обед. Все время не знали, куда едем. На станции Знаменка отстал взводный Белецкий.

1 декабря.

Проснулись на станции Фастов, попили чаю и поели, потом проехали станцию Бердичев. Здесь уже стало гораздо холоднее и все стало подороже. Вечером прибыли на станцию Шепетовка, с которой поехали обратно{60}. С обеда дежурил, а потому ночь почти не пришлось совсем спать. На станции простояли почти всю ночь. С рассветом тронулись дальше, но ехали очень тихо. На

станцию Староконстантинов приехали в 10 часов, а в 11 выдали обед. Вчера на станции Никитовка опустил письмо брату Ивану Андреевичу. С обеда сменился с дежурства и немного уснул. День солнечный и на полях немного лежит снег. Со станции Константиновка ехали очень медленно. [189]

3 декабря.

Перед вечером приехали на станцию Ермолинцы и пошли по шоссе, отошли верст 6 и остановились в деревне. Квартир не оказалось, и нашему взводу пришлось долго искать помещения и, наконец, разместились в холодной хате с разбитыми окнами и все-таки все не могли вместиться и мы вдвоем пошли на конюшню и там переночевали.

Утром пошли в избу, где согрели чаю. В избушке находилась солдатка 27 лет и девица. И вот мне здесь рассказали, каковы эти женщины. У солдатки двое детей и она всю ночь таскалась с солдатами. Девочка 8 лет плакала, но мать без зазрения совести открыто проделывала отвратительные истории. Я вошел в хату и убедился, что здесь хуже, чем публичный дом. Самые циничные выражения и нахальственные действия этих женщин меня возмущали до глубины души и особенно жаль было детей.

Часов в 10 выступили и прошли через город Городок в деревню Янсовисто. Устали страшно и опять с трудом нашли помещение, в котором уже помещались трое наших чинов военно-полевой почты, но все-таки нас пустили и даже согрели чаю. Я отдал письмо им, чтобы они послали жене. Спать хотя было и тесновато, но тепло.

5 декабря.

Встали в 7 часов, поели и попили чаю, а в 9 пошли дальше. Итти было страшно грязно и трудно, многие поотстали. Сапоги у меня совсем раздрябли, и я с великим трудом дошел до села Кузминчихи, Каменецкого уезда. Здесь, как и всегда, пришлось долго ожидать, пока разместили. Разместили страшно тесно, но делать было нечего – и за это спасибо. Здесь мне рассказал очень печальную историю хозяин. При начале мобилизации у местного помещика Чернявского управляющий был немец, и вот когда, перед об'явлением войны, австрийцы подтянули к нашей границе войска, а с нашей стороны были только редкие казачьи раз'езды, управляющий начал часто ходить к речке Збруч, где к нему выходил какой-то господин и вел разговоры. Это увидали крестьяне и рассказали об этом казакам, которые забрали этого господина, который рассказал, что помещик Чернявский сам посылал его туда. Однако возвратившейся помещик освободил своего управляющего и затем выдал ему за год вперед жалование и проводил в Австрию, а мужичка, который доказал о проделке

управляющего посадил на месяц в тюрьму. [190] Так этот мужичок теперь говорит, что он и детям закажет не доносить о проделках господ. Завтра праздник св. Николая чудотворца и я несколько раз вспоминал о Петрограде и деревне.

6 декабря.

Утром проснулись в 7 часов и с трудом отыскали сапоги которые были от подошов до ушков грязны. Попили чаю. В 11 часов перевели с квартиры крестьянина Гаврилы на другую сторону деревни. На улице страшная грязь. Перед вечером сходил на реку Муху и помыл сапоги.

7 декабря.

Проснулся часов в 7, спать было хорошо, и сравнительно, просторно. Часов в 10 опять перевели на другую квартиру, где помещались трое нижних чинов 1 роты. Мы разместились, но вскоре нас перевели на новую квартиру. Здесь было тесновато, но все-таки тепло. Вечером попели молитвы и улеглись спать, мне долго не спалось. После полуночи уснул и видел страшный сон: будто я шел околицей и услышал крик детей императора Вильгельма, которые начали в меня бросать грязью, а я в них. Подойдя к бане, я встретил императрицу германскую, которой я начал жаловаться, что ее дети бросали в меня грязь, при чем показал ей комочек глины. Она сделала выговор детям и я пошел в баню, но мыла не было и я стал под струю холодной воды и она с силою падала мне на голову. Затем я увидел своего государя и государыню, при чем государыня делала выговор государю за то, что он кого-то строго наказал, на что государь ответил, что если он наказывает, так накажет.

8 декабря.

Утром проснулись и в 7 часов получил приказ, чтобы с 8? часов было занятие и нам приказали одеться, но вскоре передали, что занятия не будет, но нужно починить амуницию и одежду. Вскоре дали обед, хлеб и сахар. В 2 часа оделись и построились. В 3 часа пошли за деревню и тронулись в путь. Сапоги у меня очень разбились и мне пришлось завязать их проволокой. Прошли деревню Ольховчики и пришли в деревню Крагулевец. Ночь была светлая и сравнительно теплая. Итти было хорошо и легко, в особенности для моих сапог. Часов около 9 пришли к месту ночлега. Здесь нас разместили, нас было 10 человек и с нами подпрапорщик. Как это и всегда, начальство начало амуры с хозяйкой дома – молодой еще женщиной, но, кажется, безуспешно. Попили чаю и улеглись спать. Спать было недурно. Утром встали в 7 часов, попили чаю, а потом почистили винтовки. Часов в 12 дали обед. В 3 часа вышли из Крагулевца и пошли через местечко на деревню Звиняч. [191] В 12 часов

пришли туда. Итти сначала по шоссе было очень хорошо; а потом свернули на проселок и дорога пошла самая скверная; переход – верст – 30. Я страшно повывертел ноги, тем более, что сапоги совсем разбились. В деревне на пути дали обед. Я сильно озяб и ступня правой ноги отмерзла. Не смотря на то, что деревня была огромная, квартир отведено было мало{61}. Пришлось долго бродить, пока нас разместили. Сначала поместили нас в доме, отведенном 4-й роте, но вскоре выселили. Потом отвели хорошую квартиру и согрели кипятку, затем я лег на кровать.

10 декабря.

Проснулись часов в 8, попили чаю и весь день отдыхали. Слышны выстрелы ружейные и артиллерийские. Вечером записывали бомбистов.

11 декабря.

Утром проснулись в 6 часов и попили чаю. С утра выдавали сапоги, на роту было выдано 72 пары. После обеда наша рота пошла дальше. Шли часа три, и придя в деревню дали ужин, а потом меня с отделением в 8 человек отправили в фольварк, отстоящий версты на три от деревни для охраны соломы и дерева, которые привозили из деревни{62}. Мы прежде всего устроили шалаш и прикрыли его соломой. Развели огонь, но дров не нашли ночью и потому чай пришлось кипятить соломой, что продолжалось очень долго. Ночью было холодно, но благодаря тому, что я получил хорошие сапоги и просторные, ноги не зябли. Ночью немного холодновато, но все таки ничего.

12 декабря.

Утром наломали дров и вскипятили чаю и попили. Немного спустя пошли варить картофель. Вскоре пришла полурота за лесом и с нею пошли и мы, а караул оставили на взводе. Лес нести пришлось очень далеко и тяжело. Когда мы отнесли лес, нас, бывших на карауле, отправили в деревню. В деревне отвели квартиру на 6 человек. Хозяйка сварила картофеля и чаю, и немного молока. Молоко пили с чаем. У хозяйки 5 человек детей и муж на войне. Самому старшему 13 лет.

13 декабря.

Утром проснулись часов в 5 и обулись, но потом опять легли спать и пролежали до рассвета. Утром хозяйка вскипятила чай и сварила картофель. [192] Перед обедом перевели на другую квартиру. Вечером пошли копать окопы, но проводили нас по полю часа три и затем начали разбивать окопы, но разбивали так медленно, что ротный командир осерчал и доложил батальонному командиру, который приказал прекратить работу и вести роты на работу. Немного позябли ноги. Назад вернулись в 11 часов, выпили по кружке чая, поужинали и улеглись спать.

14 декабря.

Утром проснулся и почувствовал боль в животе; опять немного уснул. Проснувшись вышел и погонял дозоры. Перед обедом выдали жалование – 2 р. 18 к., 3 руб. за крест и 1 р. 50 к. за медаль. В три часа пошли рыть окопы и по пути забирали лес и несли к отдельному домику, около которого и остановились. С наступлением сумерок наш и 3-й взвод понесли лес, а остальные пошли рыть окопы. Нести было очень далеко, темно и грязно. Ходили две роты, а потом стали рыть окопы. Ноги у меня промокли, несмотря на то, что были новые сапоги. Работа подвигалась очень медленно, потому что работали малыми лопатами. В 2 часа кончили работу и пошли на квартиру. Здесь попили чаю, поужинали, а затем улеглись спать.

15 декабря.

Проснулись около 9, когда пришел подпрапорщик и принес письма. Было и мне от жены, которому я был несказанно рад. Жена пишет, что получила карточки и что дома все благополучно. Гриша забран в Петрограде. Лен продали по 7 р. 80 к. за пуд.

Пообедали и я лег было спать, но не уснул…

На этом обрывается. На следующий день, 16 декабря 1915 года, при атаке австрийских позиций на Стрыпе, к северу от г. Бучача (дер. Петликовице – Нове), Штукатуров был убит. Вместе с ним выбыло из строя 800 солдат полка, 5 офицеров было убито, 18 ранено. Начальство сделало командиру полка выговор, за то, что он не берег офицеров, не делил их на смены, и пускал всех одновременно в бой. «Солдат нам пополнят, а убыль в офицерах – непоправима». Нет, убыль таких солдат как Штукатуров, безропотно несших все тяжести службы, была также непоправима. [193] Уже некоторые места дневника Штукатурова открывают нам глаза на тот счет, который более слабые его заместители пред'явили отечеству впоследствии. Со Штукатуровым умирал солдат старой русской армии, которого крепко держали в своих тисках религиозные и монархические идеи, который по своему духовному развитию оказался гораздо выше уровня, на которой рассчитывали наши враги, но в психологии которого проскальзывают уже искры будущей революции.

Примечания

Примечания

{1}Лица, имеющие сведения о семье Штукатурова, благоволят сообщить их Председ. коммисии по исследованию опыта всем. войны (Москва, Пречистенка, 14) для передач. следуемого за дневник гонорара и для вступления в переговоры о преобретении первой половины дневника.

{2}1915 года (прим. ред.)

{3}В бою в Восточной Галиции (прим. ред.).

{4}Мирная стоянка 6 Фин. полка. Поверка с музыкой (Заря с церемонией) были восстановлены в полку с марта 1916 года. Прим. ред.

{5}2-я Финл. стрелк. дивизия, в момент прибытия Штукатурова, перебрасывалась из Галиции в район севернее Вильны. Прим. ред.

{6}После боев под Болеховым и Журавно в мае 1915 года от 6 Финл. стр. полка осталось только 800 чел. (учен. команда и нестр.). Прим. ред.

{7}Обычная картина предсмотревой суеты (ред.)

{8}В это время во всех русских полках было большое число безоружных (ред.).

{9}В три перехода пройдено 65 верст. Невтянутость пополнений из маршевых рот (ред.).

{10}Весьма успешный бой I батал. 6 Финлянд. стр. полка. (ред.)

{11}Кадровый солдат, с 10-месячным боевым опытом, Штукатуров вероятно имел более правильные взгляды на боевые требования, чем его ротн. командир, получивший в Польше высш. агр. образ. Неспособность к строю этого ротного командира вынудила командира полка перевести его в обоз. (ред.)

{12}Обычная борьба войск с гражданским населением, стремящимся оставаться до последней крайности в своих жилищах, хотя бы перед самым фронтом окопов (ред.).

{13}Рота находилась в резерве сторожевого охранения (ред.)

{14}Батарея оказалась вновь сформированной и совершенно необученной.(Ред.)

{15}Общий отход и корпуса с Вилькомирских позиций; на позиции у Мейшаголы, вследствии прорыва неприятеля на Ковенском направлении. (Ред.)

{16}Опасность грозила не сзади, а сбоку. Полк экстренно выступил и шел в боковом авангарде. Дозоры – 12 стрелков., которых не успели во-время предупредить, соедин. через 3 дня (Ред.)

{17}Раненый раз в грудь навылет, второй раз навылет в спину, батальонный командир Ч., не представлял к этому временя войны парадной картины мужества, но прекрасно разбирался в обстановке и сознавал всю опасность положения 5 рот, оставленных в арьергарде, в 15 верстах от своих, перед непр. (Ред.)

{18}Рота ходила на поддержку потесненых казаков, но выяснив развертывание целой неприятельской кавалер, дивизии, спешно отошла. (Ред.)

{19}Проводник, выведший почти окруженной арьеград по лесным тропинкам

{20}Полк занял заранее укрепленный участок позиции у Мейшаголы (в переходе к северу от Вильны). В зависимости от указаний и поправок командира полка и командира батальона изменялось разположение мелких частей, что вызвало в них неблагоприятное впечатление. (Ред.).

{21}5. Финляндский стрелковый полк был прорван 16 августа, и на помощь ему была двинуты 2 резервные роты 6 полка, которые вводились в бой малыми пакетами н потому только увеличивали количество сбитых с позиции войск. Увлеченная бегущими другая полурота роты Штукатурова 17 августа докатилась до Вильны, в то время, как 6. полк, также отходивший назад, неожиданным переходом в контр-атаку, сбил немцев и захватил части 3 немецких батарей, – из них одно орудие взято на участке Штукатурова.

{22}Это – при потере 3 человек во взводе. Геройская работа тех самых младших начальников из солдат, к которым так строго относится Штукатуров. Работа руководства на современном поле сражения вообще ускользает от солдатского взгляда, и критические замечания являются даже при таком блестящем эпизоде, каким был внезапный приход 6. Финляндского стрелкового полка 17 августа в контр-атаку. (Ред.)

{23}Общее утомление полка после суток боя, в течение коих сначала отошли на 6 верст, затем, почти бегом, двигаясь в атаку, вернулись в исходное положение. Страшная путанница между ротами. (Ред.)

{24}Неприятельские гренадеры произвели контр-атаку, чтобы отбить потерянные немцами 12 орудий. Нам удалось вывести только 5 орудий, остальные, лежавшее между нами и неприятелем, в течение двух ночей удалось убрать немцам. Пользуясь тревогой, отдельные отрезаные партии немцев, оказавшиеся в нашем тылу, убегали, перепрыгивая через наши окопы (Ред.)

{26}Ландверного. Типичное отношение русского солдата к раненому врагу… (ред.).

{27}8. Финляндского. (ред.)

{28}За взятие трех германских батарей и успешный контр-удар – полку дано по 6 крестов на роту. (Ред.)

{29}Смоленскую (Ред.)

{30}Любимое время для обмена мнений между солдатами – вечер после ужина. Старый порядок, столь крепкий в полку Штукатурова, умышленно лишал их этой возможности, принуждая петь общую песню. (ред.)

{31}Традицией 6. Финляндского стр. полка было – не оставлять стрелкам свободного времени. В дни пребывания в резерве назначались обязательные учения, чтобы подтянуть вид распускающихся в окопах солдат. Боевой опыт всецело свидетельствует в пользу такового режима, впрочем очень тяжелого для солдат. (ред.)

{32}Назначен в нестроевую роту – по неспособности командовать в бою, Состав офицеров полка был выдающийся. Тем не менее, двое были преданы суду, двое – исключевы с волчьими билетами, 3-4 предложено перевестись.

{33}У Тартака, на берегу Вилии (выше Вильно) 6 финляндск. полк в тажелом бою отразил попытку немцев расширить район Свенцянского прорыва. 25% полка (около 300 человек) выбыло из строя в этот день, преимущественно от огня тяжелой артиллерии.

{34}Мысль о наступлении», всегда сильная в полку, после большой удачи 17 августа пустила новые корни. Замечание Штукатурова об общей несклонности русских солдат к атаке – совершенно верно. (Ред.).

{35}Против 10-12 немецких батарей, из коих большая часть – тяжелые, у нас была только легкая батарея с недостаточным количеством снарядов, снявшаяся с позиции в самую трудную минуту боя.

{36}Знаменитое имение «Верки» (бывший майорат князя Гогенлое) в 4 верст. от Вильно.

{37}Отход от Вильны, – на полк опять выпала самая трудная задача бокового арьергарда.

{38}Полк скользил вдоль фронта неприятеля; должен ооставшие прикрывать марш, недождавшись нашего прохода, исчезли. (Ред.).

{39}Это благополучное, но весьма поспешное (частью бегом) отступление явилось следствием глубокого прорыва немцев правее и сзади нас. После короткого отхода – 6 полк опять назначен в арьергард прикрывать устройство других частей.

{40}Ложный слух. При расположении в полной темноте нашего полка и неприятельского авангарда на одном рубеже произошла полная путаница наших и неприятельских частей.

{41}Позади было удобнее, но для смычки с соседним полком пришлось вернуться назад. (Ред.).

{42}Это замечание относится к самому трудному периоду жизни нашей армии – концу безконечных отступлений 1915 года. В этот момент вообще никаких офицеров не оставалось, и 6-й полк, за отсутствием хотя бы кое-как подготовленных прапорщиков мог наскрести только 8 ротных командиров, и начал сливать по две роты в одну. (Редак.)

{43}Мы были вынуждены к экономии снарядов, но в это утро обнаружили вблизи огромный квартиробивак немцев, очевидно предполагавших наше безостановочное отступление, и артиллерийским огнем, с рассветом, произвели у немцев большую панику. Нужно не забывать, что в это время, 50-100 верст в нашем тылу хозяйничала немецкая конница, мы были как бы окружены, подвоз был пресечен. (Ред.)

{44}Общее – неверно. Отступили только две или три роты, оказавшиеся почти без окопов на чистом мокром грунте. (Ред.)

{45}Совесть неспокойна у Штукатурова, так как в это время два офицера его батальона, с полусотней стрелков, несли боевую работу в цепи за весь батальон. Оправдание всегда одно – помочь патронами, помочь раненому.

{46}При отсутствии той добросовестности: которая так сильна в Штукатурове, сколько предлогов дня безконечных прогулок в тылу. Десятки тысяч отбившихся, частью умышлено, солдат, бродили по тылу, в то время как в ротах оставались очень немногие. У кухонь происходили как бы биржи труда – перелеты нанимались в полк за обед… (Ред.)

{47}Все отступление велось ночными маршами, что ставило высшие требования к дисциплине войск.

{48}Хлеба не было вовсе, но полк получал в день 2-3 фунта мяса на стрелка. (Население, ожидавшее немцев, предавало скот по дешевой цене). (Ред.)

{49}Паника вызванная ночной атакой небольших сил немцев на 4 Финл. стр. див.; батальон Штукатурова ходил для поддержки, к утру положение было восстановлено. (Ред.).

{50}Позиция перерезывала очень густой лес. Позиции в лесу сначала сильно резали глаза начальства и солдат, опасались отсутствия обстрела, но когда на них обживались, являлись наиболее любимыми войсками. (Прим. ред.)

{51}Наоборот, солдаты недостаточно выправленные, опустившиеся в окопах, легче сдаются в плен, чем солдаты вымуштрованные, которым после тяжелого учения и бой кажется легче. (Прим. ред).

{52}Двинутый из армейского резерва, 6. полк подошел к боевой линии, но в виду неуспешности начатой атаки (сибиряки и вовсе не шли вперед) полк был отведен назад. (Прим. ред.)

{53}Путиловскаго Завода. (Прим. ред.).

{54}Посылки, прибывшия на полк на имя убитых, раненых и пропавших, продавались с аукциона в ротах, так как не имелось средств возить их за полком. Выручение деньги зачислялись за адресатом. (Прим. ред.).

{55}Замечание несправедливое. Праздник был отложен на 3

дня, когда его можно было справить по приезде в Херсон. Внимательный читатель дневника Штукатурова получит впечатление, что в полку солдат скорее баловали – выдач всего было очень много. (Прим. ред.).

{56}Сколько времени было отнято от полевого обучения предстоявшим смотром! Репетички делались ежедневно, в отсутствии уехавшего в отпуск командира полка. (Прим. ред.).

{57}Демонстрация: нарочно высшим командованием распускался слух о предстоящем десанте нашей армии на берега Болгарии. (Прим. ред.).

{58}Когда дневник убитого Штукатурова попал в руки командира полка, он немедленно расследовал, исполнено ли его приказание о замене второго креста 4. степени крестом 3. степени; выяснилось, что Штукатуров прав, писаря проглотили его представление. Кресты 3. и 2. степени для Штукатурова явились уже посмертными. (Прим. ред.).

{59}Весь городской театр на дневной спектакль был снят полком. (Прим. ред.).

{60}Поворот по железнодорожной ветке влево. (Прим. ред).

{61}Половину села приказано было оставить свободным для другого полка и штаба дивизии, но критический дух заставляет Штукатурова все время подозревать начальство в незаботливости и нераспорядительности. (Прим. ред.).

{62}Имея ввиду подготовку к штурму 16 декабря, полк начал заготовлять впереди, среди чужого охранения, солому и лес для устройства окопов и гати ввиду отсутствия этих материялов на будущем поле сражения, и зимнего времени.

Содержание